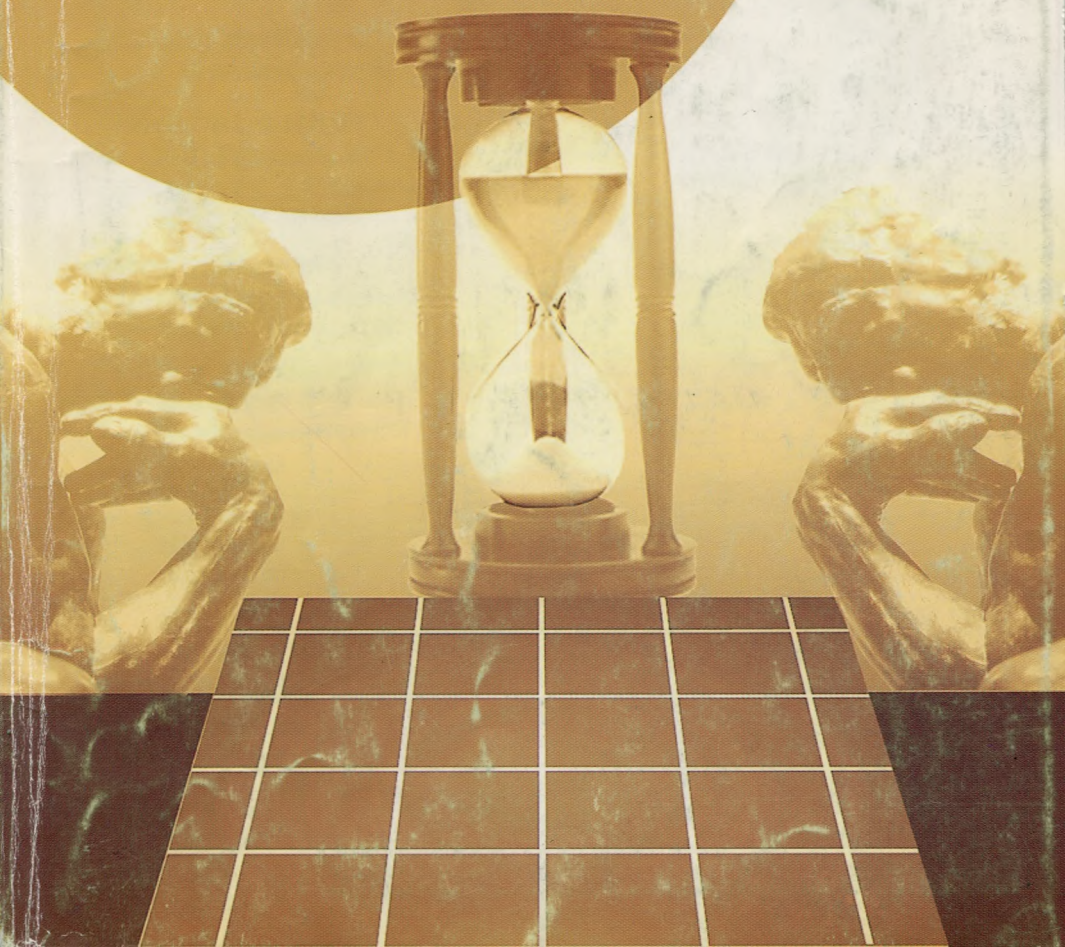

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

4 / 99

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал
№ 4 1999

Учредитель – Кубанский государственный университет

Содержание

Слово декана

К читателю номера, завершающего год 1999..... 3

Человек в мире

З. И. Рябикина, Л. Н. Ожигова

Общество и человек: объективное в субъективном пространстве личности 5

Политология

С. А. Морозов

Модели демократии: консенсусная vs мажоритарная 27

О. А. Оберемко, И. В. Самаркина

Школьный букварь: содержание и методы политической социализации 42

Кафедра

Р. Л. Агабекян

Проблемы социальной адаптации на рынке труда в современных условиях (Материал к лекции) 51

Т. А. Мясникова

Сущность города и его развитие (Материал к лекции) 62

С. В. Громыко, М. М. Курычая

Подготовка специалистов по организации выборов в высших учебных заведениях 74

Лауреаты студенческой недели науки

О. А. Дроздецкая

Опыт региональных выборов: выборы в Законодательное
Собрание Краснодарского края 22 ноября 1998 г. 83

Н. В. Санникова

Конфликтный медиаторинг (управление конфликтами) 86

Н. Н. Буянов

Референдум как институт непосредственной демократии 88

Международные связи

М. С. Нистоцкая

Чему и как учат в американском университете: заметки оче-
видца 91

М. В. Юрченко

Записки об Америке с думой о России 99

Жизнь факультета

М. М. Курячая

Первый международный молодежный политический форум
terra politicae 102

Сведения об авторах 107

Издается с марта 1999 г.

Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор *А. М. Ждановский*,

канд. ист. наук, доцент

Редакционная коллегия

Т. Т. Авдеева, канд. экон. наук, доц.;

Г. С. Курбатова, отв. секретарь;

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, зам. гл. редактора;

О. А. Оберемко, канд. социол. наук, доц.;

З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.;

Ю. А. Пеницын, канд. ист. наук, доц.

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н

тел. (8612) 69-95-63, 69-95-64

К ЧИТАТЕЛЮ НОМЕРА, ЗАВЕРШАЮЩЕГО ГОД 1999...

Итак, свершилось. Журнал состоялся, мы сделали четвертый номер. В канун нового (издательского) года принято подводить итоги.

Сделано *первое смелое утверждение*: мы выполнили свои обещания перед *Читателем*. Теперь ты, уважаемый *Читатель*, собравший все четыре номера нашего журнала, имеешь достаточно полное представление о факультете управления, о его научном потенциале, тематике проблем, которые волнуют наших авторов, о внутренней жизни факультета и его внешних связях.

В номере, который ты, *Читатель*, держишь в руках, можно найти и серьезные теоретические разработки (статьи С. А. Морозова, З. И. Рябикиной и Л. Н. Ожиговой), и прикладные исследования (работы С. В. Громько и М. М. Ку-

рячей, Н. В. Санниковой, Н. Н. Буянова), и материалы к лекциям (Р. Л. Агабекян, Т. А. Мясниковой), и заметки очевидца обучения в американском университете, и эпизоды жизни факультета. Все они интересны как для специалистов, так и для любопытного *Читателя*, к каковым я отношу любого, держащего сейчас наш журнал в руках.

Хочу выделить еще два материала. Это, во-первых, небольшая работа соавторов, социолога и политолога О. А. Оберемко и И. В. Самаркиной о школьном букваре. Необычен (неожиданен) сам объект исследования и еще интереснее сделанные наблюдения. Неужели действительно наше общество меняется? И обратной дороги не будет?

Во-вторых, совсем небольшая информация М. М. Курия-

чей о TERRA POLITICAE. Наверно, многие не отказались бы поучаствовать в таком солидном (по составу) форуме, да еще накануне президентских выборов. А кто мешает? Была бы инициатива! М.М. Курячая ее проявила...

Второе смелое утверждение: мы предоставили страницы журнала всем авторам, кто предложил нам достойные *Читателя* материалы. Идет формирование "портфеля" редакции на 2000 год – мы ждем новые тексты о человеке, обществе и управлении.

Третье смелое утверждение – мы выполнили свои обещания и перед студентами, предоставив им страницы журнала. Такую возможность получили пока не все желающие, но мы исправим это положение в новом тысячелетии.

Четвертое смелое утверждение (и последнее): мы с особой любовью относимся к абитуриентам и делаем все, чтобы помочь им поступить на наш факультет. Этому был посвящен специальный выпуск журнала, мгновенно разошедшийся в заинтересован-

ные руки. Обновленный номер выйдет и в 2000 году.

Как декан факультета не могу не увековечить наши успехи года 1999 (что написано пером...).

Кафедры факультета активно включились в борьбу за гранты и займы различных фондов. В результате кафедры психологии и политологии выиграли по три гранта Института "Открытое общество" в Мегaproекте "Развитие образования в России". Кафедра государственного и муниципального управления подала заявку на займ Национального фонда подготовки кадров по программе "Совершенствование управления вузом", заявка рекомендована к финансированию. Еще один творческий коллектив вошел в совместную программу Министерств образования и по труду и социальной политике, другой выиграл конкурс РФФИ.

Думаю, что и эта информация будет полезна нашему уважаемому *Читателю*.

С надеждой на продолжение сотрудничества в 2000 году.

А.М. Ждановский

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК: ОБЪЕКТИВНОЕ В СУБЪЕКТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

З. И. Рябикина, Л. Н. Ожигова

Я хочу только навести на мысль о том, что у человека, который объявил войну ложному сознанию и пробудил бы людей к осознанию их истинных интересов, много работы, ибо спячка людей очень глубока!

Э. Гюффман

СМЫСЛ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ

Проблема смысла жизни относится к разряду вечных и важных, но одновременно пользуется репутацией "бесперспективной" из-за непреодолимых препятствий, возникающих при попытках ее рационального освоения. Философия и психология, социология и литература при всем страстном желании исследователей, при всем многообразии теоретических подходов не могут дать однозначного ответа на вопрос: "В чем смысл жизни?" Ясно одно —

ответ на вопрос о смысле контекстуален, и таким контекстом выступает индивидуальный жизненный путь личности, багаж жизненного опыта, переживаний прожитого, т.е. для каждого человека ответ о смысле жизни — глубоко личностный. Нет общего мнения, следовательно, человек в каждодневной суете вынужден сам искать для себя ответ. Вот и мечется личность в поиске своего смысла, а значит, и в поиске самого себя.

Кто я? Зачем я? Что я могу и что должен? — эти вопросы, традиционно относимые к подростково-юношеской тематике, на самом деле актуальны для личности на протяжении всей ее жизни. Представители экзистенциалистского направления (А. Камю, Ж.-П. Сартр

и др.) считают, что поиск ответов на эти вопросы усиливается в моменты кризисные, тупиковые, роковые или болезненные для личности. Теоретики гуманистической традиции (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фром и др.) утверждают, что только в моменты высоких духовных переживаний, личностных инсайтов, эмоционально значимых "проживаний" человеку открывается истинная ценность и смысл его существования. И так как это только момент, то человеку остается смириться с мыслью о существовании в его жизни осмысленных и бессмысленных моментов, ситуаций, дел и поступков. Но раз "открывшийся" смысл влечет за собой потребность поиска другого смысла, требует своего воплощения во всех формах и пространствах человеческой жизни: общественной, духовной и т.д. Смысл может быть вполне конкретным и находить свое воплощение в реальных пространствах личностного бытия: семейном, профессиональном, культурном.

Однако эти пространства, по сути являясь социальными, а значит, общественными, заданными, несут в себе некие

предпосылки общих "смыслов". В психологии под этими общими "смыслами" принято понимать собственно "значения" – содержание общественного сознания индивида, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения, мировосприятия [20, с. 189].

Действительно, общепризнан тот факт, что индивидуальное психическое развитие человека социально детерминировано процессом усвоения индивидом общественного опыта, накопленных человечеством знаний и способов действий, социально-типического опыта, который в социологии и психологии традиционно определяют как **«социальную роль**, обеспечивающую адаптивное поведение личности и выражающую общую тенденцию системы "личность в группе" к сохранению» [3, с. 43].

Слово "роль" заимствовано из театра, и так же, как и там, оно означает предписанные действия, характерные для тех, кто занимает определенную социальную позицию. Обращаясь к философским основаниям символического интеракционизма Э. Гофмана и драматического подхода Дж. Морено,

можно содержание и закономерности общественной жизни сравнить с логикой драмы, разыгрываемой на сцене театра. Соответственно участников социального взаимодействия и те ситуации, в которых они действуют, следует рассматривать в понятиях "ролевая игра", "актер", "маска" и т.д. [11; 16].

Однако найденное сходство между действительностью и театральными действиями, конечно же, не должно пониматься как буквальное. Речь идет о символическом характере части социальных взаимодействий, неких ритуалов: приветствия во время встречи, формы обращения, предписанное поведение за обедом, должностные обязанности и т.д. Суть сходства социальной и театральной роли заключается в долженствовании или определенных предписанных формах поведения.

Формирующая сила культурных ожиданий предлагает личности множество социальных ролей: родитель, ребенок, учитель, рабочий, ученый и т.д. Приняв роль, человек как бы накладывает на себя определенные обязательства, принимает готовые культурные значения, которые по предпо-

ложению должны были бы тут же наполниться смыслом, но без соотнесенности с собственным "хочу", без личностной осмысленности, они не просто могут ограничить проявление индивидуальности, но упрощают человеческое поведение до ролевой "маски".

Поэтому человек часто пребывает в состоянии поиска смысла. Он его не ищет только в том случае, если им владеют страсти. Тогда он не задает себе вопрос: "Зачем?" или "Какой в этом смысл?". Он просто делает то, к чему его влечет. Проблема смысла занимает человека в ситуациях, когда он бесстрастен, лично не вовлечен в происходящее, но при этом испытывает давление долга. Таким образом, поиск смысла есть попытка рациональными способами, т.е. способами логического рассуждения, найти связь между тем, что приходится делать в силу каких-то обязательств (например, потому, что человек является исполнителем какой-то социальной роли, а она предполагает определенный способ действия) и тем, что вызывает чувства, переживается как волнующее, лично затрагивающее. Смысл имеет толь-

ко то, что непосредственно связано с удовлетворением наших разнообразных потребностей. Во всяком случае, нам легче это "изобрести" тогда, когда мы переполнены чувствами, нежели тогда, когда мы умны, но холодны.

Смысл субъективен и метафоричен. Незначительное событие или явление реальности может глубоко переживаться человеком. Так, вы можете увидеть упавшую на лист дерева первую каплю дождя и вдруг понять, что в этой капле отражается весь мир и смысл вашей жизни. И вполне вероятно, что вы действительно пронесете это воспоминание через всю свою жизнь, и оно будет поддерживать вас в трудные минуты.

Общество, стремясь к поддержанию "самого себя", пытается создать условия, при которых возможно управление смыслами. В некотором смысле (простим себе эту тавтологию) экстрактом смыслов и их консервантом являются значения. Значение предстает как среднее арифметическое многих индивидуально пережитых смыслов. "Я люблю тебя, дорогая", — говорит кто-то на Земле в очередной раз. И все мы понимаем, что он имеет в

виду, мы понимаем значение сказанного. Но возникают ли в нас ответные чувства? Общество говорит нам текстом многих своих документов: "Гражданин, я живу для тебя, я для тебя создано!", что равносильно признанию в любви. Общество надеется, что таким образом ему удастся "включить" в нас ответную страсть. Но зачастую мы холодны. Мы не видим смысла в сказанном, мы не испытываем потребности в служении.

Тогда общество пытается действовать изощреннее. Представляя собой множество соотносительных и упорядоченных ролевых конструктов, оно вовлекает нас в исполнение некоторых из ролей. Но "обещая" права на удовлетворение наших потребностей посредством ролевого поведения, оно вовлекает нас и в определенные обязательства. В детстве мы хотим быть признаны старшими как равные. Поэтому, ступая впервые на порожек школы, рассчитываем, что теперь на нас взглянут с уважением все, кто пренебрегал нами. "Платить" за принятие нас другими приходится каждодневным выполнением массы школьных (учебных) обязанностей: бесчисленное ко-

личество раз писать в тетрадке крючки и палочки, пересчитывать чьи-то орехи или яблоки и т.д. Но зато до этого бессмысленное, но произносимое взрослыми с чувством большого значения "надо хорошо учиться, чтобы стать хорошим гражданином своей Родины", теперь воспринимается как наполненное смыслом, так как сопряжено с чувством собственной значимости.

Смысл жизни в таком случае равен значению, которое в ходе социализации и адаптации человек принимает за "свое". Такой путь ведет к тому, что в художественной литературе называется типичным: типичный представитель своего времени, типичный учитель, типичная женщина, типичный американец или русский и т.д. Типичный - значит несущий в себе отпечаток какого-то значения, правила, чего-то присущего еще кому-то.

Такая похожесть, трафаретность поступков, мыслей и жизней в разумных пределах целесообразна, с одной стороны, так как является залогом личной и общественной безопасности, так как возможно просчитать и вывести пусть большое, но все-таки ограни-

ченное количество типов и способов взаимодействия, что-то ритуализировать, что-то запретить или разрешить, и любое взаимодействие гарантирует предсказуемый эффект.

Однако такой механистичности не достигало ни одно общество, даже в периоды расцвета тоталитаризма. Сама социальная, культурная знаковая система несет в себе принцип многообразия: человек усваивает не одно значение, а множество значений-ролей. В каждую минуту своей жизни человек одновременно является и сыном или дочкой, и женщиной или мужчиной, и ученым или рабочим и т.д. То есть культура предлагает человеку множество различных ролей для решения проблемы адаптации его в обществе.

Но если роли не осмыслены, не соотнесены с личными особенностями и потребностями, они не могут быть интегрированы. Это создает эффект ролевого диссонанса, когда множественность и противоречивость требований одновременно выполняемых разнородных социальных ролей буквально раздирает личность на бесконечное количество не имеющих личностной окраски функций.

Решая проблему социализации и адаптации, индивид не всегда успевает или не всегда готов к интеграции культурного значения в систему личностных смыслов. Дублирование или прямая идентификация с культурным знаком, социальной ролью, допустимые на первом этапе социализации как эталонные образцы поведения или принятия жизненных решений в дальнейшем могут привести к аффективным зажимам и невротизации, так как в них не "проросло" индивидуально-потребностное.

В реальности, исполняя великое множество ролей, человек тем не менее не разрушает себя, а сохраняет внутреннее единство. Возникает вопрос: *Благодаря чему человек сохраняет собственную целостность? Что является главной интегративной инстанцией?*

ЛИЧНОСТЬ КАК ВЫСШИЙ ИНТЕГРАТОР ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ответ на поставленные вопросы соотносим с определенной областью психологических знаний – персонологией, или, другими словами, психологией личности.

В психологической науке категория личности считается

одной из базовых категорий, в описании и определении которой теоретическая задача состоит обычно в том, чтобы вскрыть объективные основания тех психологических свойств, которые характеризуют человека как личность.

Исторически сложившиеся подходы к интерпретации психологической феноменологии (структурализм, функционализм, бихевиоризм, гештальт-психологии, фрейдизм, организмические теории, деятельностный подход и т.д.) ориентированы на различные области потенциальной предметной сферы психологической науки и, как следствие, рассматривают различные феноменологические пространства личности, соотносимые с этими предметными областями.

Это же прослеживается в онтологической разноплановости различных психотерапевтических школ, возникших на их основе [21].

Советская наука, предложившая свою версию предметного пространства психологии, отразившую принципы диалектико-материалистической методологии: "психика есть свойство высокоорганизованной материи отражать своими состояниями окружаю-

щую действительность"; "личность есть социальный индивид, детерминированный его участием в предметной деятельности" и пр. — дополнила и обогатила общую систему психологических знаний, с одной стороны. Но, с другой стороны, игнорирование феноменологического плана и преувеличенная ориентация на естественно-научную модель научного знания, что отмечают многие авторы (Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, В. П. Зинченко и др.), скоро превратили данный подход из объективного метода изучения психологической феноменологии в механизм торможения.

Социально-деятельностный редукционизм не мог со своих позиций представить полную картину закономерностей развития человека. Только синтетическое рассмотрение различных направлений позволяет выделить основные пространства, имеющие значение для понимания содержания и дефинирования личности (индивидуальная психика, организменные состояния, реальность окружающего мира, поведение, культурно-знаковое пространство), а также характер связи между ними.

Рассмотрим несколько определений личности, сформулированных известными отечественными психологами:

"Личность — это общественный индивид, который всегда выполняет определенную совокупность общественных функций, детерминированных нормами морали, права и другими явлениями общественного развития... То есть личность — это субъект деятельности с теми или иными правами и обязанностями, которые общество ей присваивает" [2, с. 251].

"Понятие личности обозначает человеческого индивида как члена общества, обобщает интегрированные в нем социально значимые черты" [10].

"Личностью в психологии обозначается системное социальное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде" [15, с. 192].

То, что объединяет эти определения, можно передать следующей фразой: *Личность — это человек, отразивший в себе, в своем устройстве социальную структуру и способный*

в результате этого действовать в ней адекватно.

Заявленный в отечественной психологии личностный подход ведущим методологическим принципом избрал **принцип дегерминизма** и конкретизировал его через рассмотрение зависимости содержания личности от деятельности и социального контекста, отодвинув при этом на второй план психологический детерминизм и обусловливание содержания личности природными особенностями индивида. Отвлекалось внимание от того, что социальное становится личностным, только обретя значимость для индивида, ассоциировавшись с его потребностями, став предметом его потребностей или способом их удовлетворения.

Все внешнее по отношению к конкретному человеку само по себе мертво, пока оно не соприкоснулось с его живой натурой, не присвоено им, не стало его частью. И движение такого присвоения возможно только в том случае, если социальное какой-то своей частью изначально соотносилось с естественными природными влечениями, побуждениями индивида. Игнорировать природное в человеке и факт на-

личия "сути" человеческой, личностного содержания конкретному индивиду – значит никогда не понять источников и причин развития личности, социума, культуры. Привычная сосредоточенность внимания на проблемах социализации индивида, с которой ассоциировалось в значительной степени представление о развитии личности, отодвинула в тень проблемы того, как социальное индивидуализируясь в человеке, определяется в своем смысле для него и получает в нем свое дальнейшее развитие.

Личность образует новое психологическое измерение, в котором биологическое и социальное должны претерпеть преобразования, связанные с их взаимообусловленностью, а также с их обусловленностью прежде сложившимися элементами личностного психологического опыта. Именно в этом процессе "выплачивается" личностный смысл.

А. Н. Леонтьев определяет это измерение как отличное от тех, в которых ведутся исследования различных психологических процессов, отдельных свойств и состояний человека. Такой взгляд на природу личности, сформулиро-

ванный А. Н. Леонтьевым к концу 1970-х гг., позволил переосмыслить некоторые положения **структурного** подхода, рассматривающего личность как набор качеств, черт, характеристик особенностей психики человека, и подойти к применению **системного** подхода в изучении личности. Однако потенциальные возможности предложенного им понимания личности значительно превосходят те реализации, которые осуществил сам автор. Общий подход к пониманию проблем личности и предмета психологического исследования, обозначенный А. Н. Леонтьевым, нашел свое развитие в работах А. В. Петровского, В. А. Петровского, А. Г. Асмолова, Б. С. Братуся, Д. Б. Давыдова, В. В. Эльконина, Д. А. Леонтьева, В. П. Зинченко, Ф. Е. Василюка и других современных исследователей.

В рамках системного интегративного подхода индивид может быть представлен как некоторая система морфофизиологических характеристик, выступающих предпосылкой и ограничением потенциала жизненных возможностей, среди которых и возможности психической жизнедеятельности. В конкретный момент времени

эта система, зависящая от окружения, находится в потребностном состоянии, т. е. испытывает нужду в чем-то, что может получить во внешней среде.

Поскольку потребности индивида разнообразны и зачастую противоречивы, то выживание организма обеспечивается системой соподчинения, иерархизацией нужд и побуждений. У человека природная иерархия потребностей подвергается значительным интервенциям извне в процессе социализации, опредмечивания мотивов в социуме. Таким образом, присвоение форм поведения и узнавание характеристик среды, значений-знаков не могут рассматриваться и быть поняты без соотнесения с организменными запросами, обеспечивающими процесс присвоения переживаниями личностной значимости происходящего, наполняющими этот процесс личностным смыслом.

Функциональные, организмические состояния, несущие в себе выражение отношения происходящего с человеком к его потребностям, сами являются следствием происходящего. В этом смысле (еще раз позволим себе тавтологию) они обуславливают появление

смысла, являются свидетельством наличия личностного смысла в происходящем, а также следствием того, что влияет на человека как обретшее смысл для него.

Такой же взгляд на психологию человека как на систему формирующихся в процессе жизни отношений к различным сторонам деятельности сформулировал в своей концепции личности В.Н.Мясищев. Постулируя целостное понимание человека как организма и личности, В.Н. Мясищев утверждал, что отношения-связи организма и личности характеризуются двойной направленностью, взаимными зависимостями [14].

Психика телесна, так как "пронизана" чувственностью. Каждый ее элемент порожден человеком как субъектом потребностей. А тело человека, обретшего личностную зрелость, "одухотворено", поскольку все его движения и проявления включены в ткань личностных смыслов. Ф.Е.Васильюк пишет о теле как "о подвижной, пульсирующей, изменчивой стихии внутренних ощущений, впечатлений, волнений. ...Мир тела оказывается тем пространством, в живых стихиях которого про-

исходит интерференция и интегрирование внешнего предметного мира, мира языка, мира культуры и внутреннего мира человека" [7, с. 19].

За личностью традиционно утверждается статус интегрирующей инстанции психики. Пожалуй, это положение является наиболее устоявшимся, традиционным среди утверждений, приписывающих личности самые разнообразные особенности и характеристики.

Если источником содержательных характеристик личности выступает только внешняя среда (социум, культура), непонятно, каким образом ее структура обретает единство. Почему оказываемые на индивида разрозненные, разноправленные влияния в итоге создают целостную картину взаимосвязанных, соотнесенных, организованных в систему элементов внутренней психической жизни?

Б. Г. Ананьев в свое время писал о подходе к индивидуальному развитию как к единому целому, характеризуя этот подход как новый не только для психологии, но и для естествознания в целом. И отмечал при этом, что такой подход связан с пониманием организма как целого [1].

Целостность организма – условие его жизнеспособности. "Организм целостен и поэтому устойчив", – писал когда-то Р.А.Берг [5, с. 28]. Психическая организация потому и организация, система, что внешние воздействия соотносятся с целостностью организма, определены по их отношению к этой целостности.

Внешние воздействия всегда соотнесены с субъектом, с его потребностями или с тем (в сформировавшихся, устоявшихся элементах психической организации), что уже было соотнесено с потребностями субъекта в предшествовавших актах психического отражения. То есть все как бы имеет общий знаменатель. Эти соотносимые звенья уходящей в глубину бессознательного цепочки тянутся через множество опосредующих, соотнесенных ранее элементов, так что начальное звено и многие из последующих с трудом или вообще не поддаются сознательному анализу. Именно эта внутренняя согласованность явлений психики обеспечивает целостность человека.

Итак, за личность признается статус интегрирующей инстанции, обеспечивающей целостность челове-

ка. Личность возникает тогда, когда обостряются противоречия (в пространстве психологических феноменов, в отношениях между различными значениями-ролями и пр.) и необходим орган, который, обеспечивая целостность, будет эти противоречия разрешать, овладев психической и иными функциями.

"ПРОСТРАНСТВЕННАЯ" ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Личность, являясь интегративным образованием, как всякое явление имеет свою структуру. Структура личности обусловлена самой ее психологической заданностью, призванной отражать объективное и, обеспечивая интеграцию, индивидуализировать его, превращая в субъективное. Это значит, что существует два пространства: объективное и субъективное.

На рис. 1 показаны два слоя реальности: объективный и субъективный.

Объективная реальность предваряет появление субъективного. Граница мира объективного и субъективного представляется достаточно четкой. Человек всегда определенно отмечает явления и события внешнего и того, что

принадлежит области субъективного, внутреннего.

Рис. 1

Объективная и субъективная реальности не являются однослойными, плоскими структурами. Постепенно укрупняя и детализируя топографическую модель взаимодействия объективного (общественного) и субъективного (личностного), можно получить рис. 2.

Рис. 2

Традиционно при рассмотрении связей-зависимостей субъективного (психики) с внешним миром (объективной реальностью) выделяются три феноменологических пространства: *явления среды, поведение и организм*.

Все три объективно существующих пространства: поведение как череда актов других социальных индивидов; среда, или внешний "вещный" мир, претворенный в человеческом обществе в систему значений, образующих мир культуры; организменные состояния – могут существовать помимо внутриличностного, и в этом смысле они личности предшествуют.

Субъективное, рассматриваемое как **пространство психики**, дифференцируется на **бытийный и смысловой** слои личности. Проанализируем эти структурные составляющие.

Сложившиеся в социуме модели поведения предваряют личность и посредством механизма интериоризации становятся ее внутренним содержанием. По мере формирования личности "биодинамическая ткань" движения оформляется в системы с целевой ориентированностью, подчиненные одновременно предмету и по-

требности и обозначаемые как *деятельность (поведение)*. То есть в соответствии с нарастанием личностной организованности поведение все более структурируется, содержательно определяется, становится сообразным личностному своеобразие.

Личности также предшествует реальность, выступающая предметом отражения для входящего в мир индивида, реальность, в которой личности предстоит формироваться, — *среда*. Она существует как объективные природные явления и социальные события, но человеку раскрывается прежде всего как мир человеческой культуры, т. е. мир значений, которые осваиваются в процессе социализации не столько как бытийность мира, сколько как культурная версия происходящего.

Личность не может сформироваться и быть понята вне процессов, происходящих в социуме. Но личность не может быть сведена к тем отношениям, в которые индивид включается в сообществе, к тем социальным ролям, которые он играет в группах. Если социально-типическое еще может быть конструктивно проанализировано при огра-

ничении анализа пространством значений, то личностно-индивидуальное в этом случае лишается своей истинной содержательности. Сказанное позволяет заключить, что личностные явления не должны отождествляться с пространством системы значений, т. е. личностное пространство не сводимо к событиям культуры, в которой личность формируется и осуществляет себя.

Наконец, личности предшествует индивид, организованная системная единица жизни, чьи запросы, обращенные к среде, предстают в виде потребностных состояний. Это и есть третья составляющая объективной реальности — *организмизм*.

Итак, личность предваряют три организованных пространства объективных явлений, для которых индивидуальная психика есть "место" их соотнесения и согласования. Согласование системы потребностей индивида с системой "означенных" культурой событий среды (среди которых потенциальные предметы его потребностей) и системой освоенных индивидом способов деятельности, ориентированных на присвоение отвечающих его потребно-

стям предметов, – вот задача, решаемая по мере формирования психической организации и личности как вершинного интегратора этой организации.

В связи с этим личность предстает как полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). Это позволяет представить развитие личности как следствие возникающих и разрешаемых в этих пространствах противоречий. При этом, дифференцируя пространство психических явлений на *смысловой и действенный (бытийный)* слои, следует сказать, что в *бытийном* слое представлены три пространства явлений, имеющих непосредственное продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия: деятельность, реалии среды и состояния индивида. В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимоперетекающие подпространства: *"планы и структуры поведения"*, *"образ мира"*, *"мотивационно-потребностная сфера"*. Захватывая смысло-

вое или собственностноличностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: *конативный, когнитивный, аффективный*.

Сформулированное представление о полисистемной организации бытийного и смыслового слоев психики в графическом варианте отображено на рис. 3.

Рис. 3

Поскольку пространство психики предстает как место согласования трех системно организованных объективных явлений, его единица, центральная составляющая тоже должна быть трехкомпонентна. То есть она должна одновременно нести в себе информацию о внешнем событии, ставшем предметом отражения; содержать те акты поведения, которые обеспечили

распредмечивания, и ту потребность, которая, конкретизировавшись в мотиве, придает смысл отражаемому.

Следовательно, единица психики, рассматриваемая в разных системах-пространствах, предстает то как определенная мотив, то как деформированный смыслообразующей функцией мотива отраженный объект реальности, то как элемент деятельности, подчиненный потребности и предмету. Такой единицей, несущей в себе все характеристики целого, является личностный смысл.

Так как личность – это новый уровень целостности психики, новое измерение, то и единица личности не совпадает с единицей психики, но оставаясь в пределах пространства психических явлений, отвечает всем тем характеристикам, которые описывают психическое.

Смыслы – это выражение пристрастного отношения человека к действительности, "значение значений", которое несет в себе собственное жизненное отношение человека к отражаемому. Системно организуясь, они образуют смысловую сферу личности.

Именно смысловой слой психики и составляет "особую

психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой отражения" [6].

Личностные смыслы могут быть "представлены в индивидуальном сознании на неосознаваемом уровне. Если же личностный смысл осознается, он может стать ценностью личности" [4, с. 86], ценностью, которая оформляет и направляет деятельность личности, определяет ее отношение к культурным (знаковым) пространствам, в частности к социальной роли.

Вершиной иерархии личностных смыслов является **смысл жизни**. Абстрагируясь от его содержательных характеристик, понимаемых и представляемых каждым человеком по-своему, можно сказать, что его формально-динамическая сторона состоит в тенденции к упорядочиванию систем четырех пространств: системы личностных смыслов с системной организацией среды (пространства, времени, межличностных отношений, культурной сетки значений), с системой деятельности возможных и с мотивационно-потребностной системой индивида.

Следуя такому пониманию, можно сказать, что сформиро-

ровавшееся у личности представление о смысле и цели жизни приводит к изменению "нижележащих" в иерархии смыслов и инициирует переструктурирование, содержательное изменение перечисленных объективных пространств.

На рис. 4 показан этот обратный процесс: от индивидуально-личностного к *бытийному*.

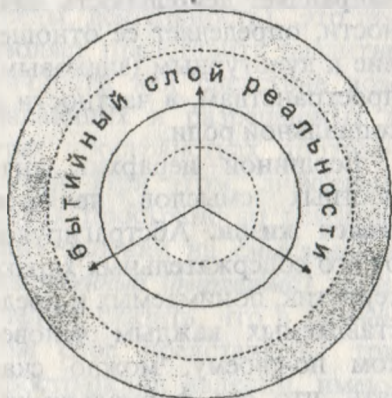

Рис. 4

То есть личность как системно организованное пространство смыслов занимает позицию НАД пространствами бытийности. Ее развитие сопряжено с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов, с креативностью и самоактуализацией, с экспан-

сией Я на внешние пространства.

В этом процессе личность, возникающая первоначально как орган согласования объективно заданного с системой внутренних смыслов и обеспечивающая выработку адаптивных форм поведения, впоследствии становится *причиной* согласований. Личность овладевает подчиненными ей пространствами и начинает выстраивать их, самоактуализуясь в этом созидании нового, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды.

Вследствие этого внешнее (объективное), а значит, культурное и социальное приобретает нечто новое, ранее бывшее внутриличностным, субъективным, но в результате личностной экспансии ставшее общественным достоянием. Личность привносит *свое* сначала в свое окружение, посредством организации новой бытийной реальности, а затем в объективные пространства: в культурные знания, в общественные представления, нормы, правила и т.д.

Предложенная теоретическая модель и описанный в психологическом плане процесс взаимодействия и взаимовлияния общества и человека может быть применен в качестве интерпретативной модели для объяснения большого числа социально-психологических явлений.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ КАК ЭКСПАНСИЯ СУБЪЕКТИВНОГО В ОБЪЕКТИВНОЕ

В рамках сформулированных теоретических положений осуществлена попытка анализа наблюдаемого в настоящее время социально-психологического явления, обозначаемого как изменение гендерных ролей и стереотипов поведения: *формирования культурного образца женщины-руководителя.*

Для российской науки, как отмечает В. В. Сменова, гендерные исследования – это относительно новая область, изучающая различия мужских и женских моделей поведения и их вариативность в определенных социальных контекстах [19].

Понятие "гендер", несмотря на всю противоречивость ино-

странного, феминистского и неоднозначного термина в российском дискурсе, сложность использования которого обсуждается и в отечественной, и в западной литературе, находит свое место в научном психологическом контексте [8;12].

Можно выделить три характеристики, которые чаще всего включают в гендер: биологический пол; полоролевые стереотипы, распространенные в том или ином обществе; и так называемый гендерный дисплей – многообразие проявлений мужского и женского в его постоянном взаимодействии [9].

Такое понимание гендера отражает в себе сущность процесса взаимодействия объективного и субъективного в заявленной ранее модели структурной организации личности и происходящего в бытийном слое, плотно прилегающем к области и социального, и психологического.

Это значит, что психологическое понимание гендера соотносимо с рассмотренным полисистемным образованием личности. То есть когда возникает исследовательская задача, связанная с изучением смысловой организации, от-

ношения личности к своим гендерным особенностям, вполне возможно применение полисистемной личностной модели. Однако тогда логика теоретических рассуждений и практических задач приобретает определенный ракурс. Для лучшей соотнесенности с описанной моделью личности опишем случай ее конкретизации в другой модели (к сожалению, она пока не отображена графически), позволяющей наполнить наблюдаемый социальный феномен глубинным психологическим пониманием.

Как организована и чем наполнена смысловая гендерная система личности?

Объективное представлено:

а) в своей организмической данности (состояния индивида) = биологический пол;

б) в явлениях и событиях среды = гендерные роли и стереотипы;

в) в деятельности = гендерное поведение.

В психологическом (субъективном) пространстве три характеристики бытийного слоя (состояния индивида, реалии социальной среды и деятельность) воссоздаются как взаимосвязанные, пересекающиеся пространства:

– "планы и структуры поведения" = "женские" и "мужские" способы поведения;

– "образ мира" = представления о "мужском" и "женском" мире;

– "мотивационно-потребностная сфера" = пристрастное отношение к биологическому полу (в узком смысле – половая идентичность).

Захватывая смысловое или собственноличностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты:

– **конативный** = "Я действую или веду себя в соответствии с мужскими или женскими способами поведения";

– **когнитивный** = "Я имею представление о себе как мужчине или женщине";

– **аффективный** = "Я принимаю/не принимаю себя как женщину или мужчину".

Соответственно вершинный личностный смысл – цель или смысл жизни – в сознании мужчины и женщины может приобретать индивидуальную гендерную интерпретацию. Иначе говоря, смысловая иерархия и ее переструктурирование оформляются за счет представлений личности о своем жизненном предназна-

чении как женщины или как мужчины.

Это значит, что личность, определяющая себя в системе социальных отношений как мужчина или женщина, соотносит свои потребности, представления о своей реализации и способы поведения с культурно означенными образцами.

Представление о женском и мужском неоднократно описывалось и интерпретировалось теоретиками различных научных областей: философами, социологами, психологами (Дж. Милль, О. Вейнингер, С. де Бовуар, Г. Зиммель, Т. Парсонс, М. Мид, М. Фуко, Ж. Лакан, З. Фрейд, К. Г. Юнг, К. Хорни, Э. Берн, Б. Фридан и др.).

В наиболее обобщенном виде рассматриваемая у большинства перечисленных авторов проблема "мужчина-женщина" так или иначе фокусируется на таких аспектах, как мужской и женский мир, особенности мужчины и женщины и их жизненное предназначение.

Традиционное представление о женской и мужской роли, как правило, раскрывается через бинарные оппозиции следующих качеств: слабые – сильные; сензитивные – сдер-

жанные в эмоциях; ориентированные на дом – ориентированные на внешнюю сферу; подчиняемые – доминирующие; неагрессивные – агрессивные.

Отсюда представление о женщине как о слабом, беззащитном, эмоциональном, инфантильном существе, нуждающемся в опеке, а о мужчине – как о сильном, активном, доминирующем, уверенном, добивающемся успеха.

Модальность личности, социализируемой, воспитываемой в духе патриархальных ценностей, складывается благодаря усвоению традиционных образцов полоролевой идентификации, отлаженному механизму социализации как в семье, так и в школе. В результате в дальнейшем, по мнению Е. Мецкеркиной, "динамизирующим фактором выступает страх приобрести (утратить) женственность" [13, с. 20], что в итоге приводит к появлению описанных ранее качеств личности.

Культурно прислелыми пространствами реализации мужчины и женщины в данном понимании выступают для мужчин публичная область (производство, политика, управление и т.д.), для

женщин – семейная сфера (уход за домом, воспитание детей, забота о престарелых и т.д.).

Однако реалии современной жизни демонстрируют большую гибкость в профессиональном и личностном самоопределении мужчин и женщин. Так, многие женщины сегодня не просто выбирают путь профессионального развития (публичная сфера), но успешно осваивают некоторые, традиционно приписываемые мужчинам профессии: руководитель, военный и т.д.

Женщина, выбирающая и формирующая свой стиль профессионального поведения, ориентируется, как правило, на эталоны или нормативные образцы, предлагаемые культурой в области данной профессии. Если осваиваемая профессия в обществе достаточно прямо ассоциируется с мужской профессией (например, руководитель, политик, военный и т.д.), то женщина ориентируется на мужской профессиональный эталон, так как не имеет альтернативного женского профессионального эталона.

В попытках реализовать свои индивидуальные способности и свое видение профес-

сионального поведения, женщина вынуждена в определенной степени идти на уступку существующим требованиям в профессиональном мужском стиле и присваивать неорганичные для нее (женщины) паттерны поведения. Этот процесс подчинения собственных возможностей сложившимся стереотипам создает напряжение, необходимость постоянного контроля над собой, ограничивает проявления творчества [17; 18].

Следовательно, женщина-руководитель вынуждена подчинять свое социально одобряемое женское поведение требованиям также социально одобряемого, но мужского профессионального поведения. Однако противоречие между объективными (социальными) требованиями и субъективными (психологическими) потребностями, фиксируемое различными диагностическими процедурами как ролевой конфликт, что в психологии чаще всего ассоциируется с кризисом, неблагоприятным, в действительности может не являться таковым.

Примером того, что социальные (гендерные) предписания в повседневной практике в условиях современной соци-

ально-культурной трансформации преодолеваются в сторону индивидуальности, ее выбора и психологического комфорта, могут служить данные, полученные в ходе пилотажного исследования, объектом которого выступали женщины-руководители (завучи школ). Оказалось, что женщины могут достаточно эффективно реализовать себя в мужской роли – руководитель. Так, из 23 опрошенных женщин-руководителей (завучей школ г. Краснодара, Карасунского округа) 17 имеют стаж работы в данной должности не менее 4 лет. Результаты психодиагностического обследования констатируют наличие ролевого конфликта между профессиональной и гендерной ролью, но в личных беседах (интервью) женщины отмечают различные, индивидуальные способы решения проявляющегося в бытовом взаимодействии противоречия. Оценивая свой социальный статус как психологически комфортный, женщины проявляют достаточно высокий познавательный интерес и видят перспективы своего профессионального и жизненного развития.

В рамках заданной интерпретативной полисистемной личностной модели можно найти объяснение успешной самореализации женщин в мужской профессии. Благодаря интеграции гендерного и профессионального образцов как культурно (объективно) заданных с системой личностных смыслов, женщина-руководитель проходит этап адаптивных форм поведения, овладевает подчиненными ей смысловыми пространствами и в дальнейшем начинает выстраивать их в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды, тем самым реорганизует сначала прилегающие пространства бытийного слоя и в результате самоактуализации, экспансии Я на внешние пространства вносит новое в сам культурный (знаковый, объективный) образец.

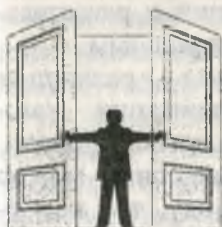
Такое психологическое понимание изменения гендерного поведения как явления социокультурной трансформации создает возможность увидеть то, что позволяет личности преодолеть социальное клиширование, осознать свои истинные интересы или, как метафорично отмечает Э. Гоффман, "проснуться". Личность

же, достигшая "самоактуализации" (А. Маслоу), "истинной субъектности" (Рубинштейн), "эго-идентичности" (Э. Эриксон), "плодотворности" (Э. Фромм), – идеальный образ и мечта всякого

прогрессивно ориентированного общества, так как социально-психологическое здоровье каждого отдельного индивида – члена общества есть гарантия социального благополучия всего общества.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: Избр. психол. тр. М.; Воронеж, 1996.
3. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
4. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.
5. Берг Р.А. Проблема целостности живых систем в трудах И.И. Шмалгауза // Проблемы кибернетики. М., 1966. Вып. 16.
6. Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии. 1990. № 6.
7. Василюк Ф.Е. Структура образа (К 90-летию со дня рождения А. Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 5.
8. Гаврилица О.А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4.
9. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
10. Кон И.С. Открытие "Я". М., 1978.
11. Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997.
12. Малышева М.М. Идентификация женщины в поствоенной и посткоммунистической России // Судьбы людей. Россия. XX век. М., 1996.
13. Мещеркина Е. "Зазеркалье" гендерных стереотипов // Вы и мы. 1997. № 1.
14. Мясищев В.Н. Личность и невроты. Л., 1960.
15. Петровский А.В. Общая психология. М., 1986. С. 192.
16. Рудестам К. Групповая психотерапия. М., 1994.
17. Рябикова З.И., Ожигова Л.Н. Женщина-руководитель: проблема самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности // Психологические проблемы самореализации личности: Сб. науч. тр. Вып. 3. Краснодар, 1998.
18. Сапогова И.А., Ожигова Л.Н. Проблема профессиональной идентичности и самовыражения в процессе профессионального самоопределения личности // Основные направления развития региональной системы социально-психологической поддержки населения: Матер. XII регион. науч.-практ. конф. Краснодар, 1999.
19. Семснова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
20. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.
21. Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2.

МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ: КОНСЕНСУСНАЯ VS МАЖОРИТАРНАЯ

С. А. Морозов

Анализ вариативных форм демократических систем политического управления позволяет утверждать, что эволюция политической системы может быть описана с помощью модели жизненного цикла политической системы, состоящей из последовательно сменяющих друг друга особых фаз – фазы генезиса, или зарождения политической системы, фазы турбулентности, фазы роста, фазы зрелости и фазы упадка, или деградации.

В ходе первой фазы – генезиса политической системы – происходит определение ее пространственно-временной ориентации, концепции построения системы политической коммуникации и участия населения в управлении, определение миссии политической системы, обозначающей базовую идеологическую систему и цели развития полити-

ческой системы в самом общем виде (т. е. миссию политической системы).

В период фазы турбулентности (или неопределенности) происходит раскол новой правящей элиты, оживление прежней политической элиты, что ведет к ожесточенной борьбе за политическую власть, усилению воздействия внешней среды, вызванному включением новой политической системы де-факто в систему международных связей и отношений.

Потенциально данная фаза может перейти в фазу роста или привести к катастрофическим изменениям и краху новой политической системы, которая не обладает еще должной степенью устойчивости и в которой процессы развития еще не приняли необратимого характера.

Следующей закономерной фазой развития политической

системы является фаза роста, характеризующаяся укреплением власти правящей элиты, ее внутреннего единства и сплоченности, улучшением управления, повышением внутреннего и внешнего потенциала политической системы, возрастанием ее устойчивости.

Фаза зрелости политической системы отличается наивысшей эффективностью системы политического управления, снижением конфликтности в обществе, наибольшей развитостью экономики, четко структурированной системой политических коммуникаций; зачастую на эту фазу приходится максимальное расширение политического пространства.

Фаза упадка, или деградации, – это последняя фаза развития политической системы. Она может трансформироваться под контролем правящей элиты и реализовать сценарий модернизации и адаптации к изменениям внутренней и внешней среды. В противном случае трансформация старой политической системы в новую происходит скачкообразно, через эпоху хаоса как особой формы упорядоченности, и тогда на обломках предшествующей полити-

ческой системы рождается новая через прерывание исторических традиций и решительный разрыв с прошлым.

Рассматривая различные варианты реализации демократической системы политического управления, можно прийти к выводу, что наиболее характерными ее вариантами в современном обществе выступают мажоритарная демократия, базирующаяся на принятии максимального риска в условиях относительно свободной игры политических сил с "нулевой суммой", и "сообщественная демократия", основанная на поисках компромисса между вертикальными корпоративными общностями с тенденцией к минимизации риска.

В мажоритарной демократии предметом продажи, своего рода особым товаром политического рынка, является политическая услуга гражданам-избирателям, подчиняющаяся всем законам современной рыночной экономики. Политическая услуга предоставляется партией (организацией) или отдельным политиком целевым сегментам избирателей или корпоративно-профессиональным группам с целью артикуляции и пред-

ставительства на рынке политических услуг специфических политических интересов данного (данных) сегмента (сегментов) избирателей.

Ее динамика может быть описана с помощью особого жизненного цикла политической услуги, состоящего из фазы введения политической услуги на рынок политических услуг, за ней следуют фаза роста и фаза турбулентности (в фазе турбулентности возможно сохранение партий, предоставляющей политическую услугу, своей идентичности, расширение своего сегмента избирателей за счет адаптации к требованиям других сегментов рынка политических услуг, вытеснение партии с рынка политических услуг); затем следует фаза зрелости и, в случае победы политической партии на выборах, особая специфическая фаза доминантной зрелости, наконец, наступают фаза упадка или инновационной модернизации.

В условиях мажоритарного варианта политической демократии можно выделить 5 моделей политического поведения: консенсусное, адаптивное, превентивное, независимое и агрессивное, которые позволя-

ют описать поведение участников конкуренции на рынке политических услуг.

При реализации модели мажоритарной демократии выигрыш победившей стороны — это, как правило, либо разрешение конкурентного конфликта на рынке политических услуг как выигрыш с нулевой суммой, в случае если имеет место абсолютная победа одной партии и формирование однопартийного правительства абсолютного большинства, либо относительное превосходство одной партии, не обеспечивающее возможности формирования однопартийного правительства. В этом случае исход может быть двояким: во-первых, достижение компромисса на основе позиционного торга и формирование коалиционного правительства; во-вторых, создание маневрирующего и постоянно ведущего политический торг с другими политическими силами и партиями правительства меньшинства.

Известно, что подобные конфликты несут обществу многочисленные транзакционные издержки. Это признают, например, такой авторитетной в современном мире организацией, как Всемирный

банк: "...периодическое проведение голосования не всегда означает, что государство лучше реагирует на потребности своих граждан..." [1].

Нельзя сбрасывать со счетов и другой фактор – асимметричное распределение политической информации и политических ресурсов между различными социальными группами избирателей. Это обусловлено такими мало учитываемыми подчас при анализе исхода выборов факторами, как социальные связи, общность экономических или иных интересов. В реальном мире политики это позволяет гораздо чаще воздействовать на исход выборов, чем представляется в теории. В условиях концентрации финансовых и информационных ресурсов у отдельных политических групп происходит искажение информационных потоков, нарушается симметрия распределения информации; причем значение информации как важнейшего ресурса, например, признано лишь сравнительно недавно. Профессор Высшей школы бизнеса в Гренобле (Франция) Робер Патюрель определил информацию как "новый стратегический ресурс" [2]. Информация

активно используется группами, концентрирующими политические информационные ресурсы, для манипулирования на определенных сегментах рынка политических услуг.

В условиях мажоритарной конкурентной модели демократии методология и технологии политической рекламы позволяют на основании мультиатрибутивной модели политической услуги и сегментирования рынка политических услуг на конкурентном рынке политических услуг с учетом жизненного цикла политической услуги, формировать адекватный ожиданиям электората определенного сегмента имидж политика, политической партии и самой политической услуги. Этому способствуют особенности политических услуг как товара, которые выражаются в неосязаемости, несохраняемости и эксклюзивности [3].

С учетом предложенной Футом-Коуном-Белдингом "матрицы вовлеченности", основанной на сочетании степени вовлеченности потребителя в процесс покупки услуги и доминирующего метода познания – интеллектуального или сенсорного, вполне возможно, как показывает практика, из-

менять отношение к политической услуге как товару, используя одну из шести потенциально возможных стратегий:

1) модификация политической услуги;

2) модификация веса атрибутов в восприятии избирателя;

3) модификация взгляда избирателя на политического лидера или политическую партию;

4) модификация взглядов избирателей на конкурирующих политических лидеров или конкурирующие политические партии;

5) привлечение внимания избирателей к игнорируемым ими прежде атрибутам;

6) модификация требуемого уровня атрибута [4].

В конечном итоге это позволяет изменить отношение избирателя к предоставляемой политической услуге и ее носителю, создать новый образ и в дальнейшем дает возможность контроля за ним и управляемого развития политического поведения избирателей на избранных сегментах конкурентного рынка политических услуг.

Однако необходимо принимать во внимание, что лю-

бая проблема имеет культурный уровень, или социокультурный дискурс, являющийся комбинацией политических идей и символов, образующих структурное значение и открывающих возможность мифологизации и ритуализации политической действительности.

В настоящее время в связи с развитием интерактивных форм в электронных средствах массовой информации и проникновением политических коммуникаций в глобальные коммуникационные сети типа Интернет возрастают возможности манипулятивного конструирования виртуальной политической реальности и манипулирования субъектами политического процесса.

Итак, в условиях мажоритарной демократии, базирующейся на принципах политической рыночной конкуренции между различными политическими элитами в борьбе за политическую власть, на политическом рынке в качестве специфического товара выступает политическая услуга. Она имеет свой жизненный цикл, напоминающий жизненный цикл услуги как товара на потребительском рынке, ее предоставление и реализа-

ция связаны с классическими категориями рыночной экономики. Однако едва ли можно считать ее идеальной универсальной категорией гражданского демократического общества, поскольку наряду с позитивными моментами она несет в себе и ряд негативных, свойственных современной рыночной экономике. К числу основных негативных моментов следует отнести:

во-первых, возрастание политического риска в условиях игры с нулевой суммой, что особенно негативно для неустойчивых политических систем, а также стран, находящихся в транзитивной (переходной) стадии развития;

во-вторых, в условиях концентрации финансовых и информационных ресурсов у отдельных политических групп происходит искажение информационных потоков, нарушается симметрия распределения информации;

в-третьих, конкуренция на рынке политических услуг продуцирует манипулятивное поведение его участников;

в-четвертых, в условиях дестанционирования продавцов политических услуг от покупателей резко возрастает роль финансовых ресурсов в детер-

минации потребительского выбора.

Как отмечает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй, "мечта о создании рая на земле с той или иной интенсивностью периодически овладевает людьми... Желание заменить собой Бога, стать вершителем судеб всего мироздания, человечества или даже отдельного человека Господь всегда посрамлял... На какой бы основе – политической, националистической, технократической, экономической – ни строилась новая Вавилонская башня, ее опять разрушит человеческая греховность, победить которую без Бога мы не в силах" [5].

Мажоритарная модель демократии связана со значительными транзакционными издержками для субъектов политического процесса – участников конкурентного рынка политических услуг, что обусловлено как возможной политической нестабильностью, так и монополистической концентрацией власти партией-победительницей при игре с нулевой суммой.

Исследование исторического облика и современного состояния российского общест-

ва, в том числе и с помощью коэффициента Д. У. Рея-М.Тейлора, показывает многогосоставность российского социума, его корпоратистский характер, что в условиях близости современного российского общества к «полиархии» приводит нас к выводу о необходимости отказа от мажоритарного варианта демократии в пользу координационного.

Русскую организационно-управленческую культуру можно с учетом параметров матрицы Хофстеде-Боллинже определить как координационную; в основе этого типа культуры лежит объединение людей на основе согласования интересов, лояльности своим убеждениям и согласованным ценностям, доминирования принципа согласования интересов; субъект интереса – совместная деятельность при сохранении суверенитета личности для организации в пределах координации деятельности, основа морали – общее благо для общества в целом и для каждого человека в отдельности.

Согласно теории Г. Эссера, "члены сообщества" "выступают в форме корпоративных действующих лиц" [6]. Попыт-

ками снижения транзакционных издержек членами этих "корпоративных действующих лиц", по концепции Г. Эссера, или "олигополистических групп", по концепции М. Олсона [7], можно объяснить появление так называемого феномена "демократии социального согласия" ("cosociational democracy"), подробно исследованного А. Лейпхартом. Однако вряд ли можно согласиться с термином А. Лейпхарта, ведь реально в основе политической модели такого типа лежит разделение общества на вертикальные корпоративные общности ("pillars") [8].

По нашему мнению, термин "демократия социального согласия" скорее относится к вопросам, затронутым в отчете Всемирного банка о мировом развитии "Государство в меняющемся мире": "В странах, добившихся успеха, разработка политики осуществляется в рамках процесса взаимных консультаций... В Восточной Азии совещательные органы обеспечивают механизмы обратной связи, обмена информацией и координации действий" [9].

Очевидно, в рассматриваемом случае логичнее было бы

говорить о корпоративной демократии или о консенсусной демократии, основанной на кооперативных принципах согласительных процедур, позволяющих за счет достижения компромиссов обеспечить общий выигрыш. Достигнутое в этом случае согласие позволяет сохранять стабильность политической системы при крайне растянутой сети власти. Пространственно-временные границы таких сложных иерархических политических систем и внешняя среда в виде различных полюсов нестабильности вынуждают жителей таких стран-"геотопов" отказываться от возможностей игры с нулевой суммой, поскольку при абсолютном проигрыше в условиях мажоритарной демократии резко возрастает риск катастрофических потерь и диспропорций — нельзя забывать, что конкуренция идет в таких странах на различных уровнях иерархии многоуровневых политических систем [10].

Профессор политических наук Стенфордского университета (США) Ф. Шмиттер отмечает, что "спонтанные, добровольные и эпизодические отношения", характерные для плюралистической

демократии (в терминологии А. Лейпхарта — "мажоритарной демократии"), "лишь кажутся более свободными, но на деле порождают большее неравенство доступа к властным структурам", так как привилегированные группы, сравнительно компактно расположенные и обладающие относительно небольшой численностью и концентрированными ресурсами, имеют естественное преимущество перед большими рассредоточенными группами" [11].

Действительно, согласительные процедуры позволяют в условиях корпоративной демократии избежать результатов негативной селекции, отрешающих от процесса принятия политических решений женщин, представителей различных социально-статусных групп, не обладающих возможностью концентрации необходимых финансовых и информационных групп в должном объеме и в необходимом месте.

Исключение значительной части субъектов политического управления из процесса принятия политических решений может в итоге привести к диктатуре социально-статусных групп, находящихся в

меньшинстве, что противоречит принципам демократии.

А. Лейпхарт, сравнивая модели мажоритарной и консенсусной демократии, приходит к обоснованному выводу, что в долгосрочном плане политика, опирающаяся на широкий консенсус, имеет больше шансов на успех [12]. Он полагает, что "разделенные общества" нуждаются в мирном сосуществовании противоборствующих друг другу... групп" [13]. Консенсусная модель демократии в противоположность однозначному и безраздельному правлению большинства реализует стремление к ограничению, разделению и распределению власти и властных ресурсов различными способами, в том числе и с помощью добровольно принимаемых на себя участниками политических процессов ограничений и обязательств [14].

Впервые проблемы демократии в многосоставных обществах были изучены в малоизвестных в западной политологии работах русского ученого-эмигранта Г. К. Гинса. Он едва ли не первым в политологии сформулировал проблему соотношения корпоративного характера общественных структур и демокра-

тии, посвятив немало строк политической культуре корпоративного общества и вопросам политического управления в нем [15]. Пальма первенства в исследовании моделей "пропорциональной", или "конкордатной", демократии принадлежит немецкому ученому Г. Лембруху, который изучал политические системы и политические культуры федеративных центрально-европейских государств – Австрии и Швейцарии [16].

По мнению Г. Лембруха, в основе "пропорциональной демократии" лежит принцип урегулирования проблемных ситуаций путем переговоров и достижения компромиссов между элитами, представляющими различные общественные сегменты.

Еще в 1950-е гг. американский политолог У. Корнхаузер выделил так называемое *communal society* – "общинное общество", в котором субнациональные общности "определяют все аспекты жизни своих членов" [17].

Эти субнациональные общности в известной степени внутренне более гомогенны, чем общество в целом, что в конечном итоге приводит к меньшему проявлению инди-

видуальности свободы личности, в том числе в политической сфере.

В этом случае наличие нескольких автономных групп позволяет центральной власти в качестве нейтрального арбитра вмешиваться в отношения между ними, удовлетворять интересы одной из субнациональных общностей, не затрагивая интересы других [18].

В этой связи большое значение приобретает наблюдение А. Лейпхарта о том, что "ощущение уязвимости и незащищенности даст сильный импульс для укрепления внутренней солидарности" [19]. Тем более что "надсегментные ориентации приобретают еще большую значимость, если они способствуют объединению общества в целом и тем самым снижают интенсивность всех противоречий одновременно" [20].

Обращаясь к национальному опыту политического управления, важно избежать опасности замыкания в рамках унифицированных евро-ссевероамериканских моделей политического управления, принадлежащих к атлантической цивилизации.

Корпоративный характер российской экономики и рос-

сийского рынка выражается в наследии вертикально ориентированных отраслевых форм организации экономической системы и в приходящих им на смену финансово-промышленных группах. Финансово-промышленные группы, формировавшиеся в российской экономике на базе приватизированной госсобственности в ходе "номенклатурной приватизации", представляют собой замкнутые отраслевые системы организации и управления экономикой и соответствуют сложившейся в России вертикально ориентированной деловой культуре.

Теоретически можно предположить, что если национальная модель политического управления, содержащая в себе демократические сущностные ценности, жизнеспособна и соответствует национальным социокультурным традициям, она должна неоднократно проявляться в различных формах в отечественной истории как результат стремления народа к адекватным формам эффективной организации своей политической жизни в рамках сложившейся государственности. Ведь традиции политической культуры являются способом

реализации устойчивых политических отношений [21].

По принципу вертикальной сегментации строилась и система политического управления в России, но ориентированная сверху вниз "власть в России никогда не доходила до каждого отдельного человека – расстояния, масштабы не позволяли этого сделать". Центральная власть управляла "кластерами", т. е. цельными замкнутыми социальными группами [22]. Еще в период Московского царства (начиная с середины XVI в.) сформировалась характерная особенность русского общества, которая "пережила многие столетия и сопротивлялась разрушению, – корпоративность. Власть имела дело не с гражданами, а с корпоративными структурами разного вида и соподчиненности: родовыми корпорациями, посадскими общинами, купеческими сотнями, общинами свободных черносошных крестьян, основанными на принципах прямой демократии, казачьими общинами, основанными на принципах военной демократии. Даже у крепостных крестьян существовала община и традиции прямой демократии. Государст-

венная бюрократия также являлась корпоративным словом..." [23].

В таких условиях неизбежно должна была возрастать регулятивная роль социальной группы как культурообразующего целого. Обыденное сознание крестьян даже в начале XX в. продолжало оставаться общинным, формируясь в процессе социализации индивида под воздействием особой бытовой хозяйственной единицы – так называемого сельского общества [24].

Сельское общество на протяжении столетий определяло повседневную жизнь крестьян на уровне саморегуляции в силу отсутствия возможностей для эффективного вмешательства центральной власти в сферу обыденного, что в конечном итоге приводило к совокупному эффекту возрастания роли саморегуляции в рамках корпоративных общностей.

В чем-то эта ситуация напоминала Францию с ее доминированием столицы в системе политического управления, но явно выраженным локализмом периферии, ее патриархальной замкнутостью и архаическими формами обы-

денного в бытовой культуре. Для русского общества периода Московского царства была характерна ориентация на минимизацию риска и достижение консенсуса в целях выживания социума в целом.

Интересы каждой личности в рамках такой модели социального бытия могут быть реализованы лишь при условии обеспечения интересов всего социального целого, признание значимости которых серьезно уточнило границы свободы каждого отдельного индивида [25]. Поэтому даже роль монарха в обществе мыслилась как "служение".

Причем царь властвовал только над телом, а не над душой своих подданных, – он был связан в своих действиях Законом Божиим. Если царь выходил за эти пределы, подданные считались свободными от повиновения ему [26]. Самодержавие в таком контексте выступало в роли регулятора социально-политических и иных интересов различных сословно-социальных групп и верховного патерналистского попечителя о них.

В русской культуре политического управления зримо прослеживаются демократические черты, детерминиро-

ванные социокультурными, геополитическими и иными факторами. При чрезвычайно широком растяжении сети политической власти и агрессивном враждебном окружении они позволили создать весьма эффективную систему политического управления, в которой власть центра, выступавшего в роли верховного гаранта законности и справедливости в православном ее понимании, была дополнена всеохватывающей системой органов корпоративного политического представительства на всех уровнях, вплоть до уездов, земскими советами или соборами.

Именно земские советы или соборы играли ведущую роль в политическом управлении на местах, создавая баланс властей, который не смог нарушить даже кратковременный период опричнины Ивана Грозного.

Эта система политического управления, продемонстрировавшая свою эффективность в условиях хаоса Смуты в начале XVII в., сумела восстановить утраченную в беспрерывных войнах независимость и возвести на престол представителя новой династии – Михаила Федоровича Рома-

нова, а затем добиться и воссоединения в едином политическом пространстве земель, относящихся к православной славянской цивилизации.

Русская культура политического управления базировалась на согласовании интересов различных сословно-корпоративных групп и минимизации политического риска, что было обусловлено огромными размерами политического пространства, постоянным изменением геополитической внешней, подчас весьма агрессивной, среды.

Вся эта эффективная для своего времени система политического управления была разрушена при Петре I и заменена полицеизмом с использованием западноевропейских образцов и гипертрофированным усилением политической роли центра. В обществе был насильственно произведен раскол на узкокорпоративную европеизированную элиту, освоившую культуру атлантической цивилизации в ее внешних проявлениях, которые можно было приспособить к нуждам абсолютистской империи, и сохранившее традиционные социокультурные ориентации большинство, практически полностью отстранен-

ное от политического управления.

Русские национальные демократические традиции в культуре политического управления оказались чрезвычайно устойчивыми и проявлялись в XIX в. в земском движении, а в начале XX в. – в рабочем и крестьянском движении в форме советов различных уровней и составов. Но в итоге они были подавлены вначале царизмом, а затем – авторитаристскими устремлениями большевистских лидеров, хотя нельзя не отметить значение деятельности советов в советский период в сфере развития гражданской политической культуры и вовлечения в политическую деятельность широких слоев советской общественности.

Последняя попытка возрождения советов и передачи им всей полноты политического управления в период так называемой перестройки была пресечена проатлантически ориентированной частью верхушки партийного аппарата и лидеров либерально-демократической оппозиции.

Однако наличие национального опыта демократических традиций культуры политического управления по-

зволяет говорить о необходимости возрождения координационной демократии в Российской Федерации как важнейшей ступени в построении

подлинно гражданского демократического общества, основанного на идеалах справедливости для каждого.

Библиографические ссылки

1. Государство в меняющемся мире. Всемирный банк. Отчет о мировом развитии. 1997. Краткое содержание // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 24.
2. Патюрель Р. Создание сетевых структур // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3. С. 276.
3. Lambin J.J. Le contrôle de la qualité dans le domaine des services // Gestion 2000. 1987.
4. Vaughn R. How Advertising Works: a Planning Model Revisited // Journal of Advertising Research. 1986. Vol. 26. P. 57-66; Boyd H.W., Ray M.L., Strong E.C. An Attitudinal Framework for Advertising Strategy // Journal of Marketing. 1972. Vol. 35. P. 27-33.
5. Между верой и знанием нет противостояния. На анкету "МН" отвечает Патриарх Московский и всея Руси Алексей II // Московские новости. 1998. № 51 (968). С. 15.
6. Esser H. Soziologie. Allgemeine Grundlagen. Frankfurt-am-Main, 1993. S. 546-547.
7. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995. С. 41.
8. Lijphart A. The Politic of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands. 2nd ed. Berkley, 1974.
9. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994. С. 134-136.
10. Государство в меняющемся мире... С. 24.
11. Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2. С. 17.
12. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 145.
13. Там же. С. 144.
14. Там же. С. 136.
15. Гинс Г.К. Новые идсы в праве и основные проблемы современности. Вып. 1-2; Харбин, 1931-1933; Он же. Социальная психология. Харбин, 1936; Он же. Право и культура (пределы развития и формирования права). Харбин, 1938; Quo vadis, Европа (Европейская катастрофа). Харбин, 1941.
16. Lehmbruch G. Proporzdemokratie: Politisches System und politisches Kultur in der Schweiz und Österreich. Tübingen, 1967. S. 8-30.
17. Kornhauser W. The Politics of Mass Society. N.Y., 1959. P. 84.
18. Melson R., Wolpe H. Modernization and the Politics of Communalism. A Theoretical Respective // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. № 4 (December). P. 121-122.
19. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах... С. 103.
20. Там же. С. 119.
21. Зюганов Г.А. Держава. 2-е изд. М., 1994. С. 165.
22. Краснова В. Второе пришествие Мичурина, или Ветхий и Новый

Завет российского бизнеса // Эксперт. 1995. № 10. С.27–29.

23. Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России. Ст. 1 // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С.110.

24. Земцов Б. Ментальность масс в канун "великих потрясений" // Свободная мысль. 1997. № 11. С.83; Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась рефор-

маторская альтернатива. М., 1991. С.140.

25. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С.189.

26. Вальдсберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С.288.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

(октябрь–декабрь 1999 г.)

• *Кафедра политологии* выиграла 3 гранта Института "Открытое общество" в рамках мегапроекта "Развитие образования в России":

– грант поддержки кафедры (совместно с ресурсным центром – кафедрой политической теории МГИМО-университета). Руководитель – профессор В. М. Юрченко;

– грант на проведение зимней школы для молодых преподавателей и аспирантов "Политический маркетинг". Руководитель – профессор Е. В. Морозова;

– грант на исследовательский проект "Политические лидеры местных сообществ".

Руководитель – профессор В. М. Юрченко.

• *Кафедра психологии* выиграла 2 гранта Института "Открытое общество" в рамках мегапроекта "Развитие образования в России":

– грант поддержки кафедры (совместно с кафедрой новейшей отечественной истории и социологии КубГУ и Институтом социологии РАН). Руководители – доц. А. Н. Кимберг и О. А. Оберемко;

– грант на исследовательский проект "Вынужденные иммигранты: стратегии интеграции в местные сообщества". Руководитель – доцент О. А. Оберемко.

ШКОЛЬНЫЙ БУКВАРЬ: СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

О. А. Оберемко, И. В. Самаркина

Вы помните свою первую детскую книжку? Скорее всего на память приходит любимая сказка или смутные рифмы когда-то от зубов отскакивающего стихотворения, а может быть, вообще ничего не вспоминается.

Проще вспомнить первую школьную книжку: "Азбуку" или "Букварь"! И у вас перед глазами портрет улыбчивого Ильича и строгая учительница, которая пишет на доске: «Наши первые слова – Ленин, Родина, Москва». Думаем, мы не ошиблись, и первый учебник оставил глубокий след в вашей памяти. Попробуем разобраться, что это за след и одинаков ли он у представителей разных поколений.

Человек не может существовать и стать полноценной личностью вне общества себе подобных. Это подтверждают печальные истории "детей-маугли" описанные, например, Э. Гидденсом в его "Социологии" [6, с. 60–61]. Статья

полноправным членом человеческого общества можно, лишь усвоив в процессе межличностного общения нормы, ценности и общепринятые в обществе способы поведения. Иными словами, человек становится человеком в процессе социализации. "Социализация – это непрерывный процесс коммуникации, в ходе которого новичок избирательно вводит в свою систему поведения те шаблоны, которые санкционированы группой" [5, с. 98].

Сложный мир политического человек осваивает в ходе политической социализации, которая представляет собой "процесс обучения, посредством которого нормы поведения и нормы политического участия, приемлемые для данной политической системы, передаются от поколения к поколению" [8, с. 1].

Социализация, в том числе и политическая, прямо или

косвенно осуществляется различными социальными и политическими институтами (семьей, церковью, СМИ, партиями и т.д.). Но особую роль в этом процессе играет система образования. Социализация является функцией системы образования. Можно выделить три вида ценностей и верований, которые могут передаваться: связанные с межличностными социальными отношениями; определяющие отношение к работе или досугу; узаконивающие существующую структуру власти и процесс развития политической системы [7, с.180]. "Правда состоит в том, что в любой школе невольно пропагандируются политические ценности" [8, с.281]. Точнее было бы сказать "вольно и невольно", что блестяще доказал в своей работе М. Ферро [4]. Причем, как отмечают многие исследователи, например М. Доган и Д. Пеласси [3], "социализация на ранних стадиях, по-видимому, приносит наибольший успех" [3, с. 119]. Может быть, поэтому сюжеты из "Букваря" так долго хранятся в нашей памяти.

Итак, школа – одна из ведущих сфер политической социализации личности. В рам-

ках этого института информацию о политике и передаче политических ценностей осуществляют несколько агентов, один из которых – школьный учебник. Проведенное нами исследование должно было ответить на вопрос: меняются ли содержание политической информации, транслируемой учебником, и методы ее передачи при изменении внешней среды (политической системы)?

Для решения поставленной задачи мы использовали метод контент-анализа, который был применен к учебнику для начальной школы – "Букварю" девятого [1] и четырнадцатого [2] изданий. Объектом контент-анализа послужила сплошная выборка изменений текстового и изобразительного материала (т. е. были отобраны все изменения текстов и рисунков). Цель анализа – определить изменения в транслируемых ценностях и механизмах трансляции последних. Так как существительные и прилагательные описывают "предметность" внутреннего и внешнего мира человека, именно эти части речи были взяты для анализа и классификации по содержательным категориям.

Мы вполне допускаем, что авторские (редакторские) коллективы могли исходить из собственной модели учебного пособия для начальной школы – модели, которая содержит определенный набор функций, имеет методические, психологические (из психологии дошкольного и младшего школьного возраста) обоснования и общие воспитательные установки. Поскольку авторские концепции "Букваря" нам неизвестны, а собственную мы предлагать не готовы, мы вынуждены признать, что категории анализа подбирались отчасти интуитивно на основе работы с текстовым материалом, а отчасти смутными представлениями о том, каков должен быть "Букварь" и не менее смутными воспоминаниями о первых годах учебы в школе.

Количественное представление расхождений между "Букварем" издания 1989 г. (Б-89) и "Букварем" 1994 г. (Б-94) выявило ряд качественных (содержательных) изменений. Наиболее существенное изменение зафиксировано в категории политической, идеологически нагруженной лексики.

Таблица 1

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Категория	Издание 1989 г.		Издание 1994 г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Политическая лексика	111	33	0	0
Военно-патриотическая лексика	75	22	0	0
Трудовая (производственная) лексика	55	16	38	10
Коллектив	23	7	1	0
Наука, учеба, творчество	22	7	51	14
Природа, животные	25	7	141	39
мир				
Семья	12	4	33	9
Имена	12	4	49	14
Вещи	1	0	49	14
Итого	336	100	362	100

В нее вошли слова, отражающие идеи коммунистической идеологии, соответствующую ей систему взглядов на мир и общество: коммунизм, названия политических организаций и их членов (партия, коммунисты, пионеры, октябрята), названия официальных праздников (Октябрь, День Победы, 7 Ноября), политические и идеологические символы (Советы, знамя, серп и молот, «Аврора»), названия первого в мире государства, строящего коммунизм, имена революционных вождей (Ленин, Крупская) и др. Лексика данной категории полностью исчезла из Б-94, при этом какая-либо иная (некоммунистическая) лексика не была введена.

тическая) идеологически нагруженная лексика в новом издании не была зарегистрирована.

Далее, в Б-89 преобладали две сферы профессиональных занятий:

1) рабочие профессии (тракторист, сталевар, кузнец, хлебороб, повар), названия относящихся к ним орудий труда (станки, кран, тачка, косилки, трактор, серп, молот, грабли, печи), обозначения процесса труда (покос, работа, труд), производственные подразделения (завод, колхоз, кузница, цех), обозначения трудящегося (мастер, помощник, ударник, колхозник);

2) "героические" занятия и профессии (воин, летчик, космонавт, военный санитар), обозначения людей и событий, имеющих отношение к воинской службе (ветеран, герой, нарушитель), немирных событий (война, восстание) и праздников, связанных с войной (День Победы), названия военных наград и видов оружия.

В Б-94 доминируют мирные профессии непроизводственной сферы (учитель, историк, воспитатель, кассир), что по-видимому, отражает как

реальные, так и прогнозные изменения престижности профессий, социально-профессиональной структуры российского общества. Большой акцент на интеллектуализм показывает расширение спектра лексики, отнесенной к категории "наука, творчество, учеба". Военная лексика полностью отсутствует.

В Б-89, кроме прочих, явно выражена функция патриотического воспитания школьников через знакомство их с героическими страницами отечественной истории XX в. Об этом говорит частое употребление обозначения родной страны (Отечество, Русь, Родина, СССР, Страна Советов), географических названий (Волгоград, Ленинград, Дальний Восток, Сибирь и др.), слова – символы любви и служения Родине (гражданин, участник войны, орден, медаль, памятник, Вечный Огонь). Как видно из табл. 2, Б-94 подобной лексики не содержит.

Также показательны содержательные изменения в категории "имена", отразившие процесс деидеологизации учебника. В Б-89 чаще всего упоминаются такие имена, как Ленин, Крупская, Гагарин, их место в Б-94 занимают имена

детских писателей (С. Маршак, К. Лыдов, А. Барто, И. Крылов); кроме того, значительно расширено употребление детских имен (17 вместо 3) – учебник стал более детским.

В особую группу были выделены слова, обозначающие "коллектив". Если в Б-89 упоминается 8 видов общностей, причем большинство из них относятся к общественно-политическим (пионеры, октябрята, партия, коммунисты), то в Б-94 встречается только одна социально и политически нейтральная общность – школьники. По нашему мнению, эти показатели отражают замену коллективистских ценностей ценностями индивидуализма.

В то же время по некоторым категориям наблюдается количественное увеличение. В новом издании значительно расширен круг слов, описывающих вещи, "обслуживающие" человека, потребляемые им: игрушки (картинки, салзки, мяч, сани, шашки), украшения (кольцо, камушек, бусинка), одежда (тапок, шубка, шапка), мебель и вещи, необходимые в доме (ключ, веревочка, кровать, дверь, полка, коврик). Предметный мир

учебника стал ближе к обычному миру детства.

Наибольший прирост обнаружился в категории "природа, животный мир", что можно рассматривать как отражение тенденций к большему развитию экологического, природоохранного сознания у детей и гуманизации начального обучения.

Отдельно анализировались прилагательные, которые классифицировались по двум категориям: описывающие внешний мир (познавательная функция) и относящиеся к ценностям (воспитательная функция). Результаты подсчетов позволяют сделать следующие выводы.

В Б-89 прилагательные относятся главным образом к ценностям: личностным качествам, ценности знания, политическим символам, в то же время характеристики внешнего мира представлены в минимальной степени, что согласуется с представлением о заложенном прямом социализирующем воздействии учебника. Новый букварь делает акцент на более широкое, подробное и конкретное описание внешнего мира, представляет более полнокровную картину мира. Новые знания

ученик приобретает через призму деталей, которые ему уже известны и понятны. Кроме того, наблюдается значительное увеличение прилагательных, описывающих природу. Б-94, таким образом, более информативен в предметном представлении мира, чем в его оценочной характеристике, что нашло отражение и в изменениях иллюстративного материала (см. далее). В Б-89 элементы природы несут на себе ценностную нагрузку (например, ценностей коллективизма). Рисунки Б-94 гораздо более подробны, они знакомят с флорой, фауной, способами взаимодействия человека и животного мира.

Подобно лексическому материалу изменения иллюстраций также поддаются классификации как по формальным, так и по содержательным признакам. Были выявлены два вида формальных изменений.

1. В рамках сохраненного сюжета добавлялись, менялись, убирались детали, и каждое изменение фиксировалось следующим образом (пример, первый рисунок на с. 3): в левый столбец заносились элементы Б-89, отсутствующие в новом издании, в правый – новые элементы Б-94.

Таблица 2

РИСУНКИ (ФРАГМЕНТ АНАЛИЗА)

Издание 1989 г.	Издание 1994 г.
Карта СССР Букварь	Книга "СКАЗКИ" Портфели Серьги, бант, блуза

2. В случаях полной замены сюжета фиксация изменений делалась следующим образом (рисунки на с. 12 и 38).

Таблица 3

РИСУНКИ (ФРАГМЕНТ АНАЛИЗА)

Издание 1989 г.	Издание 1994 г.
Ленин и дети (сюжет)	Зайчик Улитка Жук
Уборка хлеба (сюжет) Комбайны Грузовая машина Поле	Рисунк- задание

Как и в анализе текстовых изменений, выбранные элементы были сгруппированы по категориям.

1. Политическая символика. Ее мы определили как совокупность изобразительных средств, наглядно представляющих политические идеи. Данные средства отличаются лаконичностью, однозначностью и понятностью. Это – плакат, картина с политическим содержанием,

политический портрет, наконец, политическая эмблематика: символы и знаки власти, политических идей, течений, организаций, учреждений и т.п.

2. Военная символика: оружие, военная форма или ее элементы, изображения военных или связанных с военной службой людей.

3. Коллективизм: иллюстрации, несущие идею объединения, коллектива, совместных действий.

4. Семья: рисунки, иллюстрирующие отношения в семье, ее повседневную жизнь.

5. Профессия, производство: изображения орудий производства, рабочих мест, представителей различных профессий.

6. Знания: рисунки, иллюстрирующие процесс познания либо сопровождающие его.

7. Природа: рисунки, изображающие времена года, природный мир в целом, его отдельных представителей, взаимоотношения человека и животного мира.

8. Вещи: одежда, ее детали, игрушки, мебель и т.д.

Количественные результаты представлены в табл. 4.

Содержательные изменения иллюстративного материала в целом соответствуют харак-

теру текстовых изменений, однако некоторые тенденции проявлены здесь более отчетливо.

Таблица 4

РИСУНКИ

Категория	Изда- ние 1989 г.		Изда- ние 1994 г.	
	Кол во	%	Кол во	%
Политическая сим- волика	65	63	1	1
Военная символика	18	17	2	2
Профессии, произ- водство	9	9	2	2
Коллективизм	5	5	0	0
Семья	0	0	4	3
Знания	3	3	18	15
Природа	3	3	39	31
Вещи	0	0	58	47
Итого	103	100	124	101

Главной функцией изобразительного материала учебника 1989 г., от которого отказывается Б-94, является функция ознакомления с политической символикой, формирования установок на ее позитивное восприятие. Б-89 использует прямой и косвенный механизмы воздействия политической символики: политически либо идеологически нагруженный сюжет, включение политической эмблематики в изображение игрушек, букв, либо в сюжеты, не связанные с политикой и идеологией.

Функцию патриотического воспитания Б-89 выполнял на примерах трагических моментов истории СССР. Поэтому значительное место среди материала, покинувшего Б-89, занимают рисунки, содержащие военную символику (17% от общего числа измененного материала). Учебник 1994 г. не использует этот механизм формирования патриотических ценностей. Даже те иллюстрации, которые в Б-94 содержат военную символику, относятся к истории не СССР, а России XIX в. При этом выпущены иллюстрации, относящиеся не только к гражданской, но и к Великой Отечественной войне.

Анализ иллюстраций, отнесенных к категории "знание", выявил большой акцент на развитие навыков абстрактного мышления: место рисунков, требующих простых описаний, в ряде случаев занимают задания, развивающие навыки логического мышления, нацеливающие на самостоятельный поиск решений.

Приоритет политической символики Б-89 сменился доминированием сферы вещей, связанных с повседневной жизнью маленького человека, его бытом, комфортом, игрой. В

этом можно увидеть переход от общественно значимых героико-романтических ценностей к "мещанским", "мелкобуржуазным" потребительским ценностям частного существования. Однако такой вывод нуждается в уточнении с точки зрения возрастной психологии и знаний о том, как и в каком возрасте формируются политические представления у детей.

Обобщенно итоги количественного анализа содержания Б-89 и Б-94 можно сформулировать следующим образом.

1. Количественное доминирование политических и военно-патриотических по своему содержанию элементов сменилось доминированием элементов, относящихся к категориям "природа" и "вещи".

2. По-видимому, в понимании авторов учебника гуманизация содержания образования и стремление к формированию "многоцветного", в противоположность "черно-белому" мышлению, способного к поиску альтернатив и компромиссов, не совместима ни с политической, ни с гражданской социализацией ребенка в раннем школьном возрасте.

3. Не исключено, что новое издание букваря явилось ре-

результатом поиска нового метода социализирующего воздействия: воспитания патриотических ценностей планируется не через прямое воздействие патриотической и идеологической лексикой, а через детальное, красочное описание знакомой природы малой Родины. Любовь к Родине, ее позитивное восприятие формируются через знакомство с природой родного края, а не с его героическим прошлым. С методической точки зрения данная стратегия социализирующего воздействия характеризуется переносом акцента с рационального на чувственный компонент.

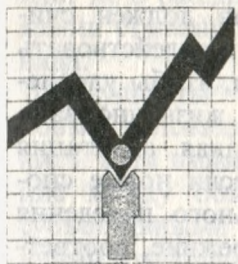
Наше исследование показало, что изменение политической системы и политического сознания общества привело к переменам в содержании и механизме политической социализации. Значит ли это, что "Букварь" 1994 г. ослабил

свое политическое воздействие? Прежде всего отметим, что проведенный анализ охватывает не все содержание учебников, а только редакционные изменения. Кроме того, данный анализ включает только учебники, а не весь учебный процесс, где активным действующим лицом выступает учитель со своими эстетическими, этическими и политическими представлениями, практической гражданской позицией. Утрата букварем функции "политического воспитателя" напрямую может компенсироваться педагогом. Это тем более может быть оправдано, поскольку дети 6-7 лет более восприимчивы к непосредственному влиянию окружающих "авторитетных" людей, и учителя в частности, тогда как активное восприятие ценностей через книгу начинается в более позднем возрасте.

Библиографический список

1. Букварь: 9-е изд. М., 1989.
2. Букварь: 14-е изд. М., 1994.
3. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
4. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.
5. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

6. Giddens Anthony. Sociology. Polity Press. 1993.
7. Lane D. Soviet Economy and Society. Oxford, 1985.
8. Political Socialization. Its Role in the Political Process // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1965. Vol.361. Sept.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (Материал к лекции)

Р. Л. Агабекян

Социально-экономические преобразования, осуществляемые в России, привели к возникновению новой системы взаимодействия экономики и общества. Определяющим фактором в этой системе является то, что становление новой экономики вступает в противоречие со сформированными типами экономической культуры.

Сегодня людям приходится рассчитывать на себя, рисковать, делать выбор и нести за него ответственность; при этом в сознании членов общества должна существовать новая система ценностей, обуславливающая их жизненные цели и социальные действия по их достижению.

Для многочисленной категории граждан современная экономическая ситуация соз-

дала дискомфортное состояние. Привычные стереотипы в сфере занятости ориентировали на стабильность и гарантированность. Движение кадров вне специально организованной мобильности рассматривалось как негативное явление. Система материальных и моральных поощрений была ориентирована на закрепление профессионального и квалификационного статуса работника. Значительная часть социальных благ (жилье, здравоохранение и т.п.) распределялась из общественных фондов предприятий. Доступ к дефицитным товарам и услугам во многом зависел от места работы и стажа. Внеэкономическое регулирование частично компенсировало низкую оплату и обеспечивало работников дополнительными

ми благами. Это помогало жестко прикрепить человека к рабочему месту и сдерживать социальную и трудовую мобильность.

В связи с трансформацией требований, предъявляемых на рынке труда, все население оказалось перед необходимостью адаптации к новым экономическим условиям. Для одних групп эта адаптация носит добровольный, для других – вынужденный характер.

Добровольная адаптация происходит тогда, когда новые ценности и способы действия, которые предлагает социальная среда, не противостоят системе ценностных ориентаций индивида. Это происходит, если вновь утверждаемые принципы и нормы социального поведения встраиваются в систему значимых интересов и потребностей человека или же создают более благоприятные условия для реализации таковых, либо если ценностные ориентации, ранее свойственные индивиду, изменяются без особого напряжения, так как он сам убедился в достоинствах нового по сравнению со старым.

Вынужденная адаптация происходит тогда, когда на-
правления и методы преобра-

зований противостоят представлениям и установкам индивида, но он должен считаться с ними и содействовать их реализации, чтобы удовлетворить свои жизненно важные цели. Такая адаптация происходит, если новые способы социального поведения менее, чем прежние, соответствуют объективным качествам индивида, но он вынужден использовать их ради выживания, либо если индивид, не принимая нового, пытается изменить и поведенческие модели, но эти попытки оказываются безуспешными, вследствие чего приходится подчиниться новым образцам.

Любые формы адаптации проявляются на уровне сознания и на уровне поведения. Принятие новых моделей поведения на уровне сознания не всегда приводит к их реализации. Исходя из обретенного опыта, профессионального, образовательного, материального и прочих статусов, индивид может не захотеть либо не суметь воспользоваться новыми возможностями. Если при этом жизненно важные цели не изменились, но их удается реализовать с помощью традиционных и предпочтительных моделей соци-

ального поведения, то речь идет не о расширении, а о сужении степени свободы индивиду.

Результаты адаптации к новым условиям можно оценить, если выявить соотношение между объективными и субъективными приобретениями и потерями. Адаптация может способствовать сохранению параметров воспроизводства группы либо изменять их в лучшую или худшую сторону. В настоящее время наиболее распространенной оказалась вынужденная адаптация к улучшающимся экономическим условиям. В итоге большие группы вынуждены приспосабливаться к таким переменам, осуществление которых они не поддерживают или участие в которых по разным причинам принять не могут. Сейчас осуществление форм экономического поведения – это в основном приноравливание к ситуации.

На рынке труда новая экономическая система предполагает исполнение новых социальных ролей. Работники должны уметь находить спрос на свои услуги, предлагать свою рабочую силу, перемещаться в системе рабочих

мест, а значит, иметь возможность свободно наниматься и увольняться, быть готовыми действовать в статусе безработного.

Для осуществления этих ролей необходимо формирование новых образцов экономической культуры, включающих в себя такие элементы, как экономический рационализм, т. е. способность осуществить экономические действия, диктуемые соображениями экономической выгоды, высокая инновационность, т. е. способность усваивать и применять новые модели экономического поведения во всех сферах деятельности, а также разнообразие стереотипов экономической культуры [1].

Наиболее адаптированной к процессу реформ оказывается возрастная группа до 30 лет, социализация которой происходила в период развала старой и становления новой системы экономических отношений. Именно она чаще всего предпочитает наемному труду в государственном секторе новые формы экономического поведения – труд в частном секторе по контрактам, трудовым соглашениям, ведение своего дела. Наи-

большая доля лиц с высоким доходом приходилась в марте 1995 г. на возраст 20–24 года [2]. По данным опросов ВЦИОМа, экономические рыночные реформы считают необходимым продолжать в основном лица моложе 40 лет. С сорокалетнего возраста начинает преобладать следующая точка зрения: "Было бы лучше, если бы все оставалось так, как было до 1985 г." [3].

Однако вне зависимости от декларируемых оценок все возрастные группы ищут способы адаптации к реформам.

С точки зрения профессионально-экономического статуса наиболее приспособленными к современной экономической ситуации являются руководители предприятий, многие из которых в ходе номенклатурной приватизации получили возможность стать собственниками приватизируемых объектов, и специалисты с высоким уровнем образования. Наименее приспособлены рабочие государственных и сельскохозяйственных предприятий. В силу имеющейся квалификации и достаточно низкого уровня образования они испытывают наибольшие затруднения с нахождением источников дополнительных

доходов и переквалификацией.

Но в целом адаптационные возможности населения России в настоящее время достаточно высоки, и не учитывать эти обстоятельства при разработке социальной стратегии страны нельзя. Согласно результатам социологических опросов, свыше 60% россиян не рассчитывают на помощь со стороны государства, а ориентируются на собственные силы [4].

Совершенно новым явлением на рынке труда стало появление безработицы. Вынужденный уход с работы всегда является серьезным морально-психологическим испытанием. Его последствия тем значительнее, чем труднее потом восстановить полноценную занятость. Кроме того, социалистический тип занятости блокировал возможность освоения способов адаптации на рынке труда.

По своему характеру российская безработица быстро приближается к европейской, вызванной структурными изменениями в экономике и перестройкой основных отраслей промышленности. По мнению экспертов ЕС, эти факторы послужили причи-

ной безработицы 6-7,5 млн чел. из общего числа 18 млн безработных в Европе [5].

Российской особенностью безработицы является то, что одной из причин ее стало быстрое разрушение индустрии. Своеобразна и реакция российских безработных на новое для них положение. Привыкшие рассчитывать на социальные гарантии государства, они чувствуют себя обиженными, обманутыми, что приводит к озлоблению и усилению напряжения в обществе. Зачастую безработные не видят выхода из этой ситуации и не в состоянии справиться с возникшей проблемой самостоятельно. На данном этапе развития государство поддержки и помощи им практически не оказывает. И в этом существенное отличие европейской политики борьбы с безработицей от российской. Точнее будет сказать, что системная последовательная политика в этой области в России пока отсутствует.

Отрицательные стороны безработицы и страх перед ней несут не только экономический, но и социальный характер. Потеря работы приводит к серьезным социально-психологическим последстви-

ям, опасным для личности, семьи и общества в целом. Привыкание к новой роли безработного происходит постепенно. Исследования, проведенные западными учеными, показывают, что человек не сразу осознает, что для него означает потеря работы. Первое время он находится в оцепенении и еще не способен четко планировать свое будущее. Поначалу статус безработного воспринимается как временный. Если за непродолжительный срок человеку не удастся найти работу, то его состояние серьезно осложняется. Усиливается беспокойство, ухудшается общее психологическое самочувствие, но активные поиски работы продолжают. С течением времени человек смиряется с новой идентичностью безработного и приспосабливается к ситуации. Но беспокойство и депрессия повышаются. Это сказывается не только на самом безработном, но и на его семье. Поиски работы становятся случайными. Человек ограничивает социальные контакты, замыкается в себе.

Отмечается связь между здоровьем и безработицей. Безработные страдают от де-

прессии, чувства беспомощности, пониженной самооценки. У них понижается работоспособность, наблюдается общее недомогание. Как правило, безработные отличаются повышенным потреблением алкоголя и курения. А в некоторых семьях наблюдается ухудшение здоровья детей.

По данным американских исследователей, повышение уровня безработицы всего на 1% и при условии сохранения ее в течение 6 лет приводит к следующему росту показателей социального неблагополучия: общей смертности – на 2%, числа самоубийств – на 4, количества убийств – на 5,7, числа заключенных в тюрьмах – на 4, количества больных, находящихся на излечении в психиатрических клиниках, – на 4% [6].

Ситуация на рынке труда в будущем определится прежде всего динамикой числа занятых в экономике. Так, за 1996–1999 гг. оно сократилось на 3,1 млн чел., а в 2000 г. численность занятых практически стабилизируется. В то же время число безработных будет расти в течение всей перспективы [7]. Большинство высвобождаемых работников – это инженерно-технические

работники, трудоустройство которых по имеющейся специальности в настоящее время довольно затруднительно. К тому же их квалификация и уровень образования зачастую уже не отвечает требованиям, складывающимся на рынке труда. Повышению профессиональной мобильности высвобождаемых с предприятий служащих, и в первую очередь инженерно-технических работников, может способствовать спрос на рабочие специальности на рынке труда.

В этой связи следует отметить, что нехватка работников рабочих специальностей может стать реальной проблемой. Такая ситуация уже возникла в крупных городах России, где с большей интенсивностью проявляются изменения между первичными, вторичными и третичными секторами экономики с растущим перевесом последнего. Воспроизводство собственной рабочей силы в городах резко упало, поскольку молодежь не проявляет интереса к этим специальностям, видя их незавидное положение. Стратегии поведения на рынке труда тех, кто потерял работу, зависят от многих причин индивиду-

ального и социального характера.

Во-первых, это социальные ресурсы людей – пол, возраст, образование, опыт работы, статус на последнем месте работы, социальные связи.

Во-вторых, это внешние по отношению к человеку возможности трудоустройства, характеризующие региональный рынок труда (структура рабочих мест, количество вакансий и т.п.).

В-третьих, это готовность индивида действовать в соответствии с рыночными механизмами.

Для выхода из состояния безработицы принципиальное значение имеет готовность действовать и понимание своей личной ответственности за восстановление занятости. Этот субъективный фактор играет не меньшую роль, чем социальные ресурсы или внешние обстоятельства.

Происходящие экономические перемены привели к видоизменению мотивов труда. В условиях снижения уровня жизни и быстрого роста инфляции размер заработной платы приобрел первостепенное значение. Остальные трудовые мотивы отходят на второй план.

Падение реальных доходов, связанных с трудом в общественном производстве, вызывает естественное проявление черт рыночного поведения – стремление работников находить себе дополнительные заработки. В первые годы реформ были сняты административные ограничения на совместительство и созданы новые условия для развития дополнительной занятости. Однако степень распространённости приработков осталась стабильной на протяжении 5 лет.

В нормально функционирующей экономике работник должен иметь возможность реализовать себя и получить нужный доход на основном месте работы. Но в условиях экономического кризиса вторичная занятость часто становится необходимой для обеспечения материального благосостояния.

В переходной экономике России вторичная занятость стала одним из способов адаптации населения к экономическим реформам. Среди прочего вторичная занятость способствовала упрочению социальных позиций значительной части населения. А это имеет важное значение для

стабилизации всей социальной структуры российского общества. Вторично занятые высказывали больше удовлетворенности жизнью и были более уверены в том, что сумеют найти себе хорошую работу. Вторичная занятость во многом способствовала становлению частнопредпринимательского сектора экономики. Возможности вторичной занятости наиболее полно используют самые динамичные группы занятого населения, и именно эти группы обладают наивысшим потенциалом влияния на ход всех социальных процессов. То, что в сферу вторичной занятости вовлечена наиболее активная часть населения, служит и предпосылкой изменений в профессиональной структуре общества. Для некоторых это было переходным этапом, показавшим возможности профессиональной мобильности и повлекшим за собой перемену профессии или сферы деятельности на те, которые наиболее полно отвечают требованиям новой экономики.

В среднем за годы реформ около 20% работающего населения имели дополнительную работу [8]. Дополнитель-

ная занятость несколько шире распространена среди работников-мужчин, чем среди женщин, чаще среди младших возрастных групп. Работники с высшим образованием прирабатывают вдвое чаще, чем работники с образованием ниже среднего. Повышенная частота двойной занятости характерна для работников частного сектора экономики; она находится в зависимости от уровня дохода по основному месту работы – чем выше доход, тем чаще наблюдается дополнительная занятость.

Вторичная занятость обычно не способствует росту профессионального уровня работников. 65% опрошенных утверждают, что их работа либо не требует профессиональной подготовки, либо требует меньшей квалификации, чем основная работа [9]. Таким образом, происходит снижение трудового потенциала работников. На начальной стадии реформ чрезвычайно широкое распространение получила нерегистрируемая занятость в торгово-посредническом бизнесе. По оценкам Института труда в 1992–1993 гг. в этой сфере было занято 4 млн чел. [10]. Сейчас возможность получения

дохода от этой деятельности резко снизилась, вызвав отток занятых.

Альтернативой рыночным формам поисков источников дополнительных доходов остается функционирование "домашней экономики" – дачных участков.

Осталась действенной модель экономического поведения, предполагающая минимизацию трудовой активности. Около 60% работников считают, что могли бы работать больше и лучше, чем сейчас, но лишь четверть из них связывают это с увеличением собственных усилий [11]. Многие занимают выжидательную позицию и надеются, что проблемы будут решены "сверху". Однако это связано не только с сформированной системой ценностей. В частности, на трудности, которые возникают при поиске места приработка, указывают 20–30% работников [12]. Трудности в значительной мере определяются развитостью системы рабочих мест. Широкие возможности для использования своего трудового потенциала имеют, в основном, жители крупных городов. Незрелость многих секторов системы рабочих мест в регионах

не позволяет переобучиться и трудоустроиться значительному числу работников. Развитие малого бизнеса тормозится отсутствием в экономическом сознании легитимных способов предпринимательской деятельности и налоговой политикой государства. Поэтому часто приходится мириться и с неполной занятостью, и со снижением потенциала рабочих мест. Потери от этого терпят и производство, и сами работники.

Приватизация государственной собственности часто не оказывает значительного влияния на характер экономического поведения. Это связано с ее в основном формальным характером. Произошедшую в России приватизацию можно охарактеризовать как стихийное перераспределение доходов и капитала госпредприятий в пользу аппарата управления. Из этого следует формальный характер новых ролевых характеристик работников администрации предприятий и пассивность в защите своих прав и интересов; остается низким уровень трудовой дисциплины, не возрастающий даже в условиях сокращения персонала. На таких предприятиях,

несмотря на их статус, сохраняется отчуждение работников от результатов труда.

Предпочтения работников относительно занятости в государственном и негосударственном секторе зависят от типа фактической занятости (уже имеющейся профессии, квалификации, опыта работы), а также трудовой мотивации: ориентации либо на стабильные невысокие, либо нестабильные высокие заработки. Первые ассоциируются с государственным, вторые – с частным сектором экономики. В то же время занятость в частном секторе несколько более стабильна, что связано главным образом с отраслевой принадлежностью и малыми размерами подавляющего большинства частных предприятий. В среднем около 50% опрошенных высказываются за небольшой, но стабильный заработок, большая часть из них предпочитают работать на государственном предприятии.

Видна тенденция к образованию устойчивых низкодо-

ходных групп: члены низкодоходных семей гораздо чаще стремятся к низким гарантированным доходам, чем члены высокодоходных семей. Таким образом, проявляется субкультура бедности; на уровне экономического поведения она выражается в отказе от тех его форм, которые требуют активизации личных ресурсов. Основными характеристиками слоя бедных является психологическое чувство безысходности и пассивное ожидание помощи со стороны.

Итак, степень адаптации индивида определяется его социокультурным потенциалом: уровнем и качеством полученного образования, уровнем квалификации и профессионализма, развитостью образа жизни, а также демографическими характеристиками – возрастом и полом. Наибольшим рыночным потенциалом обладают лица с высоким уровнем образования, относящиеся к младшим возрастным группам и проживающие в крупных городах.

Библиографические ссылки

1. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры СССР. М., 1994.

2. Левада Ю.А. Три "поколения перестройки" // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 3.

3. Там же.
4. Смирнов С., Исаев Н. Социальная политика: новый курс // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 67.
5. Уильямс К. О классовом характере безработицы и путях ее снижения // Социс. 1997. № 5. С. 13.
6. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменениях социальной роли труда. М., 1990. С. 62.
7. Занятость и рынок труда: новые реалии, национальные приоритеты, перспективы. М., 1998. С.18-19.
8. Хибовская Е.А., Куприянова З.В. Вторичная занятость населения как способ адаптации населения к экономическим реформам // Куда идет Россия? М., 1995.
9. Там же.
10. Антосенков Е.Г. Мониторинг социально-трудовой сферы в РФ (1992-1994 гг.) // Социс. 1995. № 9.
11. Куприянова З.В. Разные группы работников в сфере труда // Мониторинг общественного мнения. 1994. № 4.
12. Там же.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

- *Доцент кафедры политологии*
А. В. Баранов защитил докторскую диссертацию "Многоукладное общество в русских областях Северного Кавказа в условиях нэпа: тенденции развития" в специализированном совете по историческим наукам Ростовского госуниверситета.

- *Доцент кафедры политологии*
М. В. Савва защитил докторскую диссертацию "Этнический статус: анализ социально-политического феномена" в специализированном совете по политическим наукам Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

СУЩНОСТЬ ГОРОДА И ЕГО РАЗВИТИЕ (Материал к лекции)

Т. А. Мясникова

Город является одним из самых сложных и неразгаданных явлений современной цивилизации. В городах происходит концентрация всего самого лучшего и всего самого наихудшего, что в ней есть. Город – это не простая множественность близко стоящих домов, а своего рода самостоятельный организм. Площади, рынки, способы сообщения – части одного целого, части городского организма, имеющие особые, только ему свойственные законы. Город можно представить и как иерархию «вкладываемых» друг в друга структур, и как «социотехническое целостное объединение градостроительных систем» [1, 23].

Поэтому город является объектом междисциплинарного изучения.

Выделяют три основных уровня знания о городах: *общеметодологический* (философский уровень), уровень

монодисциплинарных исследований (географический, градостроительный, или архитектурный, социологический, исторический, маркетинговый, юридический подходы), *конкретно-эмпирический* уровень. Каждый из этих уровней изучает город под своим углом зрения, дополняя друг друга.

В той или иной степени эти знания аккумулируются в *градоведении* (урбанистике, урбанологии) – науке, в которой обобщаются и интегрируются знания об экономических, социальных, экологических, географических, градостроительных, исторических и других процессах, происходящих в городах.

Город является настолько сложным и многогранным понятием, что возникают серьезные проблемы определения города как предмета градоведения: это и пространственный феномен, и предметно-материальный комплекс.

Поэтому наиболее распространенное определение *предмета градovedения* – город как результат непрерывной многовековой деятельности человека; город как сложная динамическая система с многосторонними и многообразными внутренними и внешними связями [1, 18].

Наиболее распространены следующие критерии определения города [1, 25]:

1. *Официальный статус города*. Город рассматривается как особая единица в системе административно-территориального деления. *Город* – крупный населенный пункт, являющийся особой единицей в системе административно-территориального деления. Границей, отделяющей город от окружающей его сельской местности, является городская среда.

2. *Количественные признаки города*. *Город* представляет собой социально-пространственный комплекс, который характеризуется значительными размерами и плотностью населения.

3. *Специфика пространственного обособления города*. Выделяют дополнительные признаки города: расположение в центре коммуникаций,

долговременность пространственной организации, разнообразие архитектурно-планировочного комплекса. *Город* – долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций.

4. *Специфические (городские) виды деятельности*. Определение городских видов деятельности происходит: через сосредоточение функций неземледельческого характера; через указание качественного своеобразия деятельности (интенсивность, разнообразие, интеграция). *Город* – крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры. *Город* – это обычно административный и культурный центр окружающего района.

5. *Город как специфическая среда жизнедеятельности человека*. *Город* является непосредственной средой жизнедеятельности человека, а его население, образуя специфическую социальную общность – общность по поселению, оказывается непосредственной средой индивида. *Город*–

ская среда – это среда повседневной жизнедеятельности населения, включающей характер трудовой деятельности человека (рабочий, предприниматель, банкир и пр.), организацию повседневной деятельности на территории города (частота посещения тех или иных объектов в городе, выбор места жительства, работы, досуга и т.д.), особенности демографического поведения (рождаемость, брачность, смертность и т.п.) и др.

Выделяют следующие категории восприятия и оценки города: физиологический комфорт, безопасность, возможность ориентации, функциональные удобства, эстетическое совершенство. С ними перекликаются пять сфер жизнедеятельности человека: трудовая деятельность, общественно-политическая активность, семейно-бытовая деятельность, потребление материальных и духовных благ, поддержание и укрепление здоровья.

6. *Экологический подход* определения города. "Экополис" ("экогород") – город, являющийся органической частью окружающей природной среды.

7. *Город с точки зрения дихотомии (противопоставления) "город–деревня".*

ГОРОД	ДЕРЕВНЯ
Число жителей достаточно велико	Число жителей невелико
Пространственное размещение охватывает значительную площадь	Пространственное размещение охватывает незначительную площадь
Высокая концентрация населения (компактность проживания)	Низкая концентрация населения
В основном сельскохозяйственная деятельность	В основном сельскохозяйственная деятельность
Относительно разнообразные виды деятельности	Относительно однотипные виды деятельности
Чувство сообщества развито слабо	Чувство сообщества развито сильно

8. *Город как одна из форм существования общества.* Город интегрирует отношения индивидов, образует пространство человеческого общения и творчества, аккумулирует отношения людей, обеспечивает разнообразие и усложнение деятельности, в том числе социальной и духовной.

9. *Город как сложная система.* В границах города в относительно компактном пространстве сосредоточены все

компоненты общества – население, производство, органы государственного, муниципального, общественного управления, жилье, инфраструктура и т.п. Город является целостным сложноорганизованным организмом, следовательно, сложной системой.

Сложная система (С-система) – это система, состоящая из множества неоднородных частей и элементов, выполняющих разнообразные разнокачественные функции и связанных между собой сложными нелинейными обратными связями; это система высшего порядка, включающая многие состояния (уровни), развитие которой может быть интерпретировано как процесс возрастания сложности в сочетании с соответствующим процессом организации (устройства) управления [1, с. 150].

Город в качестве С-системы невозможно изучать иначе, чем по подсистемам, потому что, являясь частью целого и подчиняясь целостной системе, каждая из подсистем обладает относительной самостоятельностью, внутренней структурой, собственными признаками, интересами, ритмами функциониро-

вания, требует для своего описания иного языка.

В любом городском поселении можно выделить такие основные, объективно существующие и определенным образом взаимодействующие подсистемы (структуры), как экономическая, финансовая, социальная, демографическая, национальная, архитектурно-планировочная, территориальная, природно-ресурсная, организационно-управленческая, информационная и пр.

Все эти взаимопроникающие подсистемы (структуры) города обеспечивают функционирование друг друга. Поэтому город – *парадоксальная С-система*. С одной стороны, город представляет собой целостность, а с другой – совокупность структур, частей, каждая из которых принадлежит к разным по функциональному профилю и территориальному устройству системам, имеющих свои органы управления и регулирования, координационные и субординационные связи.

10. *Город как местное сообщество*. Город рассматривается как местное сообщество, т.е. как группа людей в природной окружающей среде с географическими, политиче-

скими и социальными границами и заметными связями в общении. Понятие местного сообщества само по себе очень сложно. Оно включает в себя следующие характеристики [3, с. 6]:

а) население/общность людей (историческая, культурная, соседская и т.д.);

б) место / территория / пространство в пределах определенных границ (географических, административных, экономических, информационных и т.д.);

в) социальное взаимодействие (соседские отношения, общие правила и нормы поведения, общее правительство и общественные услуги, организации, взаимосвязь в производственной деятельности и т.д.);

г) чувство сообщества / психологическая идентификация (общность ценностей, чувство принадлежности, чувство сопричастности к событиям в сообществе, чувство ответственности перед сообществом и т.д.).

Данный подход вводит такие понятия, как жизнеспособность местного сообщества – способность местного сообщества адекватно реагировать на внутренние и внешние изменения.

Появление городов обусловлено различными человеческими потребностями:

– потребностью в защите, крове, прибежище;

– потребностью в коллективной деятельности: торговой, производственной, финансовой и т.п.;

– необходимостью удовлетворения культурных и духовных потребностей (религиозные города, университетские города и т.д.);

– потребностью в оздоровлении, отдыхе и лечении;

– потребностью в выполнении административных функций.

Важное значение имеет *агломерационный эффект*, т.е. экономия, обусловленная территориальной близостью предприятий.

Внутренняя экономия происходит за счет роста масштабов деятельности ("*эффект масштаба*"); причиной ее является существование:

– фактора специализации;

– неделимых факторов производства.

Локализационная экономия (экономия на местоположении) возникает, если производственные издержки предприятия снижаются по мере роста общего выпуска промышленной

продукции данной отрасли; причинами ее является экономия:

- на масштабе при выпуске промежуточных товаров;
- на рынке труда;
- на коммуникации.

Урбанизационная экономия – второй тип экономии на агломерации – возникает, если производственные издержки фирм снижаются по мере роста города. В отличие от локализационной экономии, урбанизационная экономия является результатом масштаба городской экономики в целом, а не просто масштаба определенной отрасли. Урбанизационная экономия возникает по тем же причинам, что и локализационная экономия.

Мы уже упоминали, что город является парадоксальной С-системой, т.е. состоит из совокупности структур, частей, каждая из которых принадлежит к разным по функциональному профилю и территориальному устройству системам, имеющим свои органы управления и регулирования, координационные и субординационные связи. Выделяют следующие структуры города: *социальная, экономическая, пространственная, организационно-управленческая,*

городское население, городская культура.

Описание *городского населения* включает в себя следующие характеристики:

- пол и возраст;
- семейное положение;
- национальность;
- динамика рождаемости и смертности;
- динамика миграции;
- динамика внутригородского перемещения и др.

Социальная структура города рассматривается с точки зрения социальных групп и слоев, социального капитала и социальных связей.

Городская культура отличается соединением различных культурных слоев и направлений, взаимным проникновением различных культур друг в друга. Состояние городской культуры влияет не только на качество жизни, но и на *развитие чувства сообщества, на жизнеспособность города*, формирует отношение местных жителей к городу либо как к дому, либо как к гостинице.

Экономическую структуру города составляет совокупность предприятий, учреждений, организаций и других объектов предпринимательской деятельности и сферы

бизнеса, размещенных в данном городе.

Пространственная структура города отображает местоположение и взаиморасположение различных городских элементов в пространстве для осуществления связей в процессе развития и функционирования города.

Пространственную (территориально-планировочную) структуру города образуют территории (функциональные зоны) различного назначения (промышленные, селитебные, коммунально-складские, внешнего транспорта, рекреационные и т.п.), взаимодействующие между собой, а также коммуникационная сеть, обеспечивающая возможность связей между его элементами.

Выделяют следующие элементы планировочной структуры:

- *"каркас"* (скелет пространственной организации, ее наиболее устойчивая, относительно неизменная часть) в виде системы транспортных магистралей, коммуникационных узлов и связанных с ними сооружений городского значения;

- *"ткань"*, т.е. промышленные территории, жилые дома и учреждения обслуживания;

- *"плазма"*, образованная гибкими, легко заменяемыми элементами, такими как временные сооружения, транспортные средства, зеленые насаждения, декоративное убранство.

Организационно-управленческая структура города представлена совокупностью органов власти, лиц, сотрудников, учреждений, средств функционирования и развития города. Ключевая фигура в управленческой структуре города – *мэр, городской голова*. Организационно-управленческая структура города регламентируется *уставом города*. Муниципальные органы управления представлены двумя ветвями власти: исполнительной (администрация города) и законодательной (городская Дума).

Местное правительство выполняет следующие функции:

- контроль за соблюдением законности и порядка в городе;

- предоставление услуг населению;

- представительство интересов сообщества.

Выделяют *три типа местных правительств (в данном случае мэрии)* [3, с. 8]:

1) *администрация* (местное правительство рассматривается как низший уровень системы государственного управления);

2) *агентство* (создаются местные органы с некоторой финансово-административной самостоятельностью);

3) *автономия* (речь идет о передаче права принятия решений, постановки задач, а также о передаче соответствующих ресурсов на места и создании автономных, не зависящих от национального правительства органов местной власти).

От типа местного правительства зависит направление и инструменты *городской политики*, соотношение воздействия государства и местного правительства.

Городская политика – это сфера деятельности государства и местных (городских) органов самоуправления по регулированию экономического, социального, пространственного и иного развития города как сложного социально-пространственного организма в целях обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности населения.

Город является одновременно и *объектом*, и *субъектом* управления.

Смысл городской политики состоит в формировании целей и интересов развития собственно города и согласовании их с общенациональными и региональными целями и интересами.

Основной целью городской политики является создание условий для нормального функционирования и *развития* города.

Современное понятие "*развитие*" включает три взаимосвязанные характеристики:

- *изменение* образа жизни большей или меньшей части населения;

- *рост*, т.е. такие структурные изменения, которые ведут к технологическому прогрессу, повышению качества продукции и улучшению распределения товаров и услуг;

- *улучшение*, предполагающее социальные перемены, которые обеспечивают равные возможности более широкому кругу людей воспользоваться общественными благами [3, с. 2].

Устойчивое развитие города – это развитие, которое соответствует потребностям на-

стоящего без ущерба будущим поколениям.

В основе процесса устойчивого развития лежат три принципа.

1. *Принцип справедливости между поколениями, или футуристический принцип.* Любая деятельность должна оцениваться с точки зрения последствий для будущих поколений.

2. *Принцип социальной справедливости.* Бедность рассматривается как деградация. Устойчивость предполагает более равномерное распределение ресурсов.

3. *Принцип межграницной ответственности.* Предполагает управление окружающей средой в глобальном смысле.

Устойчивый город – это город, в котором люди, органы власти различных уровней, общественные и коммерческие организации постоянно прилагают усилия для совершенствования природной, искусственной и культурной среды и действуют в направлении, поддерживающем цели глобального устойчивого развития.

Основной целью развития является *повышение качества жизни местного населения.*

Основными результатами развития являются [3, с. 7]:

а) продукты / услуги. Благополучие населения – это главный "продукт" развития местного сообщества, который материализуется в конкретных видах продуктов и услуг, выражающих потребности местного населения и приносящих выгоды в результате их производства;

б) занятость и доходы местного населения;

в) благоустройство города.

На уровне города можно выделить следующие наиболее важные документы, связанные с его развитием:

1) *концепция развития города* – это система взглядов, идей, трактовки городского развития, генеральный замысел, определяющий стратегию действий при осуществлении проектов, планов, программ;

2) *генеральный план города* – основной юридический градостроительный документ, определяющий в интересах населения и с учетом государственных задач направления и границы территориального развития города, функциональное назначение и строительное зонирование территории, распределение земель по видам собственности, принципиаль-

ные решения по размещению объектов общегородского значения, транспортному обслуживанию, инженерному обеспечению и благоустройству, защите территории от опасных природных и техногенных процессов, охране природного и историко-культурного наследия, очередности освоения территории;

3) *план социально-экономического развития города* – четко увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс социальных, демографических, производственных, экономических, экологических, организационно-хозяйственных и других практических мероприятий и действий, обеспечивающих эффективное решение совокупности задач в области устойчивого развития города как системы.

Программы развития городов разрабатываются на *межнациональном, федеральном, региональном и местном уровнях.*

Под эгидой СЕКР и Конгресса местных и региональных властей Европы осуществляются следующие программы сотрудничества с городами России:

- *"ЛОДЕ"* (развитие и укрепление местного самоуправления и региональной политики в странах Центральной и Восточной Европы);

- *"ЭКОС"* и *"Увертюра"* (организация органов самоуправления, бюджетно-финансовые вопросы, развитие инфраструктуры, экономические проекты, экология);

- *"СТЕП"* (обучение местных кадров).

Среди международных организаций, поддерживающих городское развитие, выделяется комиссия ООН по населенным пунктам. К основным межведомственным программам и инициативам учреждений ООН в области развития населенных пунктов и охраны окружающей среды относятся следующие:

- Программа управления городами;

- Программа устойчивого развития городов;

- Партнерство против городской бедности;

- Программа здоровых городов;

- Программа улучшения окружающей среды столиц;

- Объединенная программа подготовки кадров для местных органов власти и др.

К числу общероссийских программ относятся:

1) *Федеральная комплексная программа возрождения и развития малых городов РФ в условиях экономической реформы*, принятая Правительством РФ в 1992 г. Программа нацелена на решение следующих основных задач:

- сохранение исторического наследия малых городов, памятников архитектуры и национальной культуры, восстановление и развитие традиционных производств, ремесел и народных промыслов;

- повышение уровня благоустройства жилищ и обслуживания населения, воспитания, образования и охраны здоровья людей, создание благоприятной экологической обстановки;

- создание необходимых условий для равномерного размещения и трудоустройства переселенцев из других регионов, районов Крайнего Севера и военнослужащих;

- повышение роли местного самоуправления;

2) *Федеральная целевая программа "Возрождение, строительство, реконструкция и реставрация исторических малых и средних городов России"*. Данная программа считается

составной частью Федеральной комплексной программы возрождения и развития малых городов РФ в условиях экономической реформы. Программа рассчитана до 2010 г. и охватывает города, обладающие уникальными памятниками истории и культуры. Основными задачами программы являются:

- закладка основы экономического саморазвития с учетом возрождения традиционных видов деятельности, ремесел и промыслов на базе местных ресурсов, развитие туристско-рекреационной системы;

- прекращение процессов депопуляции и восстановление демографической структуры малых городов;

- регенерация исторической городской среды и воссоздание своеобразия и архитектурно-художественных качеств застройки;

3) *Федеральная целевая программа "Золотое кольцо России"*. Программа направлена на возрождение Золотого Кольца России, охватывающего уникальные арёалы историко-культурного и природного наследия. Задачами программы являются:

– реставрация, ремонт и восстановление памятников истории и культуры;

– обновление туристического комплекса и базы размещения туристов;

– сохранение и развитие художественных промыслов и ремесел;

– реконструкция, благоустройство исторических центров городов и других зон;

– развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, средств связи и информации, торговли, общественного питания и бытового обслуживания;

– регенерация центральных природно-ландшафтных зон и обеспечение благопри-

ятной экологической обстановки.

В самое ближайшее время функция, связанная с разработкой и реализацией программ развития, станет одной из главных функций органов местного самоуправления муниципальных образований. Муниципальные образования получили право определять собственную стратегию развития, разрабатывать и реализовать собственные проекты и планы развития. Это предъявляет особые требования к органам местного самоуправления, так как на них в этом случае ложится очень высокая ответственность за судьбу поселения (муниципального образования).

Библиографический список

1. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. Екатеринбург, 1998.

2. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т., Пенюгалова А.В. Как организовать развитие? Краснодар, 1997.

3. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т., Пенюгалова А.В. Основы развития местного хозяйства: Курс лекций. Краснодар, 1996.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ВЫБОРОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

С. В. Громыко, М. М. Курячая

Первые шаги России по пути демократизации политических процессов показали, как велико значение избирательной системы, всех ее организационно-правовых механизмов и как важен уровень правовой культуры тех людей, которые в той или иной мере участвуют в избирательном процессе. Поэтому возникает необходимость в подготовке кадров, способных обеспечивать осуществление народом своей власти, высшим непосредственным выражением которой являются референдум и свободные выборы [1].

Основную ставку при этом необходимо делать на подготовку специалистов по организации выборов в высших учебных заведениях. Данный подход к проблеме профессиональной подготовки организаторов выборов положительно повлияет на актив-

ность молодой части электората, поскольку активное участие ровесников в выборах — один из мощных стимулов для лиц, оценивающих свое участие в выборах как бесполезное, занимающих позицию "за нас все решили" [2].

Сегодняшнее положение дел таково, что в выборах и референдумах (особенно на региональном и местном уровнях) в качестве организаторов участвуют непрофессионалы, зачастую эти лица не знают норм избирательного законодательства, грубо нарушают его при реализации своих избирательных прав. Так, в избирательную комиссию Краснодарского края обратилась группа граждан Российской Федерации в возрасте 25–30 лет с ходатайством о регистрации ее для сбора подписей в поддержку проведения референдума Краснодар-

ского края. Законом края численность группы не установлена, однако в соответствии с п. 1 ст. 33 Федерального закона РФ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" [3] инициативная группа по проведению референдума субъекта РФ должна состоять не менее чем из 20 граждан РФ. В инициативную группу, обратившуюся в комиссию, входили 14 чел. При таких обстоятельствах комиссия отказала в регистрации группы [4].

В Федеральной целевой программе повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации, одобренной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 1995 г. № 228, сказано, что она охватывает более половины взрослого населения России — избирателей, организаторов выборов (руководителей, членов и работников аппаратов избирательных комиссий всех уровней, органов представительной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления), кандидатов в депутаты, их доверенных лиц,

представителей общественных и избирательных объединений. В Программе сформулированы основные направления повышения профессионального уровня организаторов избирательного процесса, предусматривающие освоение конституционно-правовых основ избирательной системы Российской Федерации, организационно-технологических основ избирательного процесса на всех его этапах и уровнях, включая внедрение государственной автоматизированной системы Российской Федерации "Выборы", историко-политологических аспектов избирательной кампании в России.

В Федеральной программе говорится о формах, периоде и субъектах обучения, но ничего не сказано о самом существе — чему и как учить.

Несмотря на богатое историческое прошлое, Россия только сейчас вступила на путь подлинных, соответствующих мировым стандартам демократических преобразований. Этот путь для нашей страны совершенно новый, и не случайно реформы идут тяжело и допускаются серьезные ошибки. Трудности обусловлены прежде всего стерео-

типами сознания. Иллюзии, вера в то, что все чудесным образом само собой образуется, нежелание самим творить свою судьбу, запуганность, упование на "доброго дядю" – все это мешает решению назревших проблем. Поэтому при обучении организаторов выборов в первую очередь следует уделить внимание освоению мировоззренческих дисциплин, которые в Федеральной целевой программе обозначены как историко-политологические аспекты избирательной кампании в России. Именно эти дисциплины помогут постичь логику развития демократии и рыночной экономики в стране, понять, насколько актуальны и неизбежны прогрессивные перемены, определить конкретные механизмы и процедуры избирательного процесса.

Достижению этой цели будут способствовать знания:

- *истории Российского государства* со всеми ее противоречиями и сложностями (неверное представление о прошлом обычно отражается на будущем, не позволяет избегать старых ошибок);

- *социологии, структуры общества, форм самоорганиза-*

ции, статуса личности и т. д. (традиционное противопоставление государства и общества способствует познанию соответствующих явлений, а отчуждение и борьба только разрушают любые общественные явления);

- *рыночной экономики, ее форм, механизмов, движущих сил и объективных результатов;*

- *политологии* (о взаимодействии общества и государственной власти, механизмах демократии, правах и свободах гражданина и возможностях их реализации);

- *культурологии* (о духовной жизни общества, структуре сознания, духовных идеалах и ценностях, об изменении жизненных ориентаций людей);

- *психологии* (о закономерностях социального, группового и индивидуального поведения, о воздействии средств массовой информации на психику человека, о психологической подготовке организаторов выборов);

- *этики, в том числе профессиональной.*

Особое внимание необходимо уделять избирательным технологиям, которые уже стало традицией делить на

"чистые" и "грязные". При этом главным критерием, по мнению Руководителя Администрации Президента РФ А.С. Волошина, должно быть соблюдение норм законодательства и политической этики при их планировании и применении [5]. Как показала мировая и отечественная практика, возможны лишь два способа борьбы с "грязными" технологиями: ужесточение законодательной регламентации избирательной кампании и усиление общественного контроля за ходом выборов. В последнее время наряду с "профессионализацией" избирательного процесса выдвигается дополнительный критерий – соблюдение своеобразного "этического кодекса" всеми участниками избирательного процесса [6].

Второй блок вопросов связан с правовой (юридической) подготовкой организаторов выборов. Ведь в конечном счете вся деятельность избирательных комиссий сводится к тому, чтобы обеспечить реализацию норм Конституции Российской Федерации, касающихся народовластия и связанных с ним прав и свобод граждан России. Правовая подготовка организато-

ров выборов – сложный и многогранный процесс. Его нельзя сводить, как порой делается, к изучению только конкретных нормативных правовых актов. Глубокое знание Конституции, законов и иных нормативных актов, конечно, необходимо. Но столь же необходимо понимать общественные причины, определяющие появление того или иного нормативного акта. Иными словами, каждый документ должен иметь социологическое обоснование, которое позволит определить условия и спрогнозировать результаты его действия, т. е. покажет, насколько возможно воплощение в жизнь намеченных идей, целей, реализация норм, планов и т. д.

Правовое регулирование избирательного процесса имеет три аспекта – социологический, нормативный и практический, и каждый из них целесообразно изучать и анализировать. Важно добиваться комплексного подхода к правовому обучению организаторов выборов, чтобы была ясна социальная обусловленность, обоснованность и эффективность любой правовой нормы.

Комплексный подход предполагает подготовку в следующих отраслях права.

1. Теория государства и права. Революции начала XX в. и последующие события сформировали нигилистическое отношение к праву, которое глубоко укоренилось и ощущается практически во всех государственных и общественных структурах. Поэтому важно показывать не только ограничительную, санкционную сущность права, но и созидательную, конструктивную, помогающую людям в обустройстве их жизни.

2. Конституционное (государственное) право, раскрывающее учредительную, отправную роль норм Конституции Российской Федерации 1993 г., а также принятых на ее основе законов. Знание конституционного права – одно из условий и предпосылок рационального применения избирательного права.

3. Концептуальные положения гражданского права и других связанных с ним отраслей права, регулирующих жизнедеятельность гражданского общества, прежде всего рыночные отношения и частную жизнь людей. В обучении политиков и государственных

служащих часто недооценивается значимость этих отраслей права, в соответствии с которыми гражданин сам "конструирует" свою деятельность и судьбу. Знание только "государствоведческих" отраслей права не позволяет использовать их потенциал для упорядочения отношений в обществе.

4. Административное право, которое регулирует общественные отношения, возникающие в процессе организации и деятельности органов исполнительной власти.

5. Избирательное право. Как отрасль оно только еще формируется, хотя и имеет достаточно долгую историю. По избирательному праву сегодня имеется довольно много правовых источников, которые необходимо хорошо знать и умело применять. Систематизация нормативных правовых актов по избирательному праву – одно из направлений деятельности Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Знание материальных норм различных отраслей права предполагает знание и соответствующих процессуальных норм, тем более что избира-

тельными комиссиям приходится не просто ссылаться на применяемые нормы, как порой делают чиновники, а практически применять их в конкретных ситуациях. Часто плохое знание именно процессуальных норм (как сделать) не дает возможности в полной мере использовать материальные нормы (что делать). Поэтому при изучении норм любой отрасли права следует больше внимания уделять процессуальным аспектам, обеспечивающим их практическую реализуемость.

Третий блок вопросов, имеющий для организаторов выборов принципиальное значение, связан с освоением современных технологий, применяемых в аналитической, учетно-статистической, финансовой и иных видах деятельности субъектов избирательного процесса. Так, создана и функционирует государственная автоматизированная система Российской Федерации "Выборы".

Четвертый блок вопросов касается освоения зарубежного опыта организации избирательного процесса и проведения избирательных кампаний. Эта проблема тоже имеет свои нюансы. С одной сторо-

ны, в странах с развитой демократией существует длительная практика проведения выборов и референдумов (последние проводятся очень редко) в условиях плюралистического гражданского общества и многопартийной политической системы, и нам важно в испытанных жизнью разных моделях избирательных процедур, призванных придать представительный характер законодательным органам и обеспечить известный политический профессионализм депутатов, выявить то типичное, что используется широко, считается рациональным и приносит удовлетворительные результаты. Но, с другой стороны, в каждой стране избирательный процесс соответствует ее специфике (история, географическое положение, населенность, традиции, менталитет людей и т. д.), т. е. в чем-то уникален, поэтому следует использовать лишь то, что отвечает особенностям нашей страны.

Итак, зарубежный опыт (как западных стран, так и восточных) следует перенимать осторожно, учитывая российскую действительность, не должно быть ни противопоставлений, ни отрицания, ни

подражания, ни прямого заимствования. Скорее всего, оптимален принцип дополнения: жить своим умом, но перенимать у других все лучшее, приемлемое.

В России более 90 лет проводятся избирательные кампании и тоже накоплен определенный опыт, как позитивный, так и негативный. Годы демократических преобразований наглядно показали неправоту тех, кто твердит, что российский народ не склонен к демократии и не понимает ее ценностей. Доказательством тому могут служить четыре проведенных референдума.

И наконец, пятый блок вопросов – методическое обеспечение обучения организаторов выборов. Здесь есть значительные наработки, однако существуют и проблемы, требующие внимания и разрешения. Прежде всего, нужна концепция обучения организаторов выборов, рассчитанная на перспективу и способная охватить, как намечено в Федеральной целевой программе, около 2 млн чел. Имеющаяся сегодня правовая база – Конституция Российской Федерации, федеральные законы и законодательство субъектов Российской Феде-

рации – уже позволяет определить контуры предполагаемых избирательных кампаний, их периодичность и масштаб. Таким образом, существуют предпосылки для обоснования стратегии обучения организаторов выборов, чтобы в нужный момент иметь достаточное количество подготовленных специалистов. Кроме того, наличие стратегии позволит своевременно разработать и издать необходимый нормативный материал и научно-популярную литературу.

Имея концепцию и стратегию обучения организаторов выборов и исходя из имеющихся финансовых ресурсов, можно решать конкретные тактические вопросы: кого, когда и как обучать. Сейчас существует нормативная и методическая база [7], позволяющая выбрать форму обучения, а по окончании курса обучения – выдать соответствующий документ.

Как организаторы выборов достаточно высокий уровень подготовки показывают выпускники факультета управления Кубанского госуниверситета. Специалисты-политологи успешно применяют полученные знания, участвуя в

избирательных кампаниях федерального и местного уровней. Однако потребность в грамотных специалистах еще велика. Так, одно из наиболее важных направлений избирательного процесса – формирование территориальных и участковых избирательных комиссий. Как показала практика, по предложению общественно-политических партий и движений в такие комиссии назначаются люди, не имеющие опыта участия в выборах и специальной подготовки. При таком подходе эти члены комиссий не могут квалифицированно участвовать в работе, становятся пассивными наблюдателями. Здесь тоже можно было бы использовать знания выпускников факультета.

Многие высшие учебные заведения уже приобрели опыт соответствующей работы. Такой опыт, в частности, накоплен в Российской академии государственной службы при Президенте РФ, в региональных академиях государственной службы. Теперь осталось лишь выбрать конкретные формы обучения.

Оптимальной представляется подготовка организаторов выборов в рамках специа-

лизации студентов по специальностям "Политология" и "Государственное и муниципальное управление". На наш взгляд, именно эти студенты имеют наиболее приемлемую базу теоретических знаний для последующего обучения в качестве организаторов выборов. Кроме того, большая часть перечисленных курсов читается студентам вузов, обучающимся по данным специальностям, а необходимые знания как организаторы выборов они смогут получить в рамках курсов специализации, читаемых в вузе. Как показали исследования авторов, интерес среди студентов к данной специализации достаточно высок, целый ряд студентов участвуют в избирательном процессе, в основном как наблюдатели, назначенные избирательными объединениями (блоками) или отдельными кандидатами.

Указанные курсы специализации должны читаться членами избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и работниками их аппарата, подобные курсы могли бы носить проблемный или тематический характер.

Система обучения организаторов выборов в вузах

должна быть четко структурирована по формам, уровню и содержанию. Тогда будет ясно, кого, как и в каком объеме обеспечивать соответствующими нормативными и учебно-методическими материалами.

Сегодня избирательный процесс настолько сложен, а его роль в укреплении демократии и улучшении кадрового состава ключевых должностей государственного аппарата настолько велика, что

участие в нем требует высокой профессиональной подготовки. На выборах подчас решается судьба страны, и подходить к этому следует ответственно, политически грамотно, профессионально.

Любым процессом, чтобы он был целенаправленным и обеспечивал достижение желаемого, надо управлять. Необходимо управлять и профессиональной подготовкой кадров организаторов выборов.

Библиографические ссылки

1. Атаманчук Г.В. О профессиональной подготовке организаторов выборов // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1998. № 10. С. 58.

2. Давыдов А.А. Всесоюзный референдум: взгляд социолога // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 46.

3. Федеральный закон РФ от 19.09.97 с изменениями, внесенными Федеральным законом РФ от 30.03.99 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1653.

4. Постановление избирательной комиссии Краснодарского края от 29 ноября 1999 г. № 83-П // Вестник избирательной комиссии Краснодарского края. 1999. № 6. С. 103.

5. Волошин А.С. Создание в субъектах РФ условий для проведения демократических свободных и периодических выборов в органы государственной власти и местного самоуправления // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1999. № 6. С. 23.

6. Иванов И.В., Копейко А.К. Правовые основы предвыборной агитации на телевидении и радио // Правовая культура, электоральная активность и телевидение. М., 1996.

7. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации государственных служащих: Сборник нормативных и методических материалов. М., 1996.

ЛАУРЕАТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ НЕДЕЛИ НАУКИ

ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ: ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ 22 ноября 1998 г.

О. А. Дроздецкая

Выборы в Законодательное Собрание Краснодарского края, прошедшие в ноябре 1998 г., привлекли к себе внимание не только в крае, но и других регионах России. Тому существует несколько причин:

1) геополитическое расположение Кубани;

2) степень влияния Кубани на ситуацию выборов в стране;

3) отличие краевого законодательства о выборах и референдумах от принятой федеральной модели.

В соответствии с требованиями федерального и краевого законодательства была обеспечена готовность всех 2555 избирательных участков края, сформированы окружные, территориальные и участковые избирательные комиссии, обеспечена информированность избирателя о вы-

борном законодательстве, использовались возможности СМИ.

Отличительная особенность выборов 1998 г. – острота борьбы, развернувшаяся за места в кубанском парламенте. На 50 депутатских мест претендовали 446 кандидатов, в том числе 272 избирались от групп избирателей, сами себя выдвинули 28 человек, остальные были выдвинуты избирательными блоками.

Обратимся непосредственно к ходу выборов в г. Краснодаре. На восемь мест в ЗСК претендовали 98 кандидатов, из них 50 являлись независимыми, а остальные принадлежали к различным партиям и движениям: НДР, блок Бориса Вавилова, "Яблоко", ЛДПР, ДВР, "Отечество" (Кондратенко), "Клуб безработных" и т. д.

Из всего разнообразия необходимо отметить кандидатов, которые имели реальные шансы победить на выборах в ЗСК:

1) кандидаты от "Отечества" (Кондратенко) (Кубань сегодня. 1998. 13 нояб.);

2) кандидаты от блока мэрии города (Самойленко) (Краснодар. 1998. 20 нояб.);

3) кандидаты от "Яблока", блока Бориса Вавилова, "Нашего Отечества", войсковой атаман Громов, предприниматель Блошенко и т. д.

Но реальная борьба проходила между блоками "Отечество" (Кондратенко) и мэрии (Самойленко).

Громов, несмотря на своё кандидатство, поддерживал блок "Отечество" (Казаки поддерживают казаков // Кубань сегодня. 1998. 31 окт.). Блошенко, председатель Совета социальной поддержки, вероятно, не знал, на кого опираться. Кандидаты от "Нашего Отечества", блока Бориса Вавилова, думается, делали ставку на криминальные группировки (Краснодарские известия. 1998. 6, 18 нояб.).

Между блоками мэрии и "Отечества" (Кондратенко) развернулась острая борьба,

включая войну компроматов, оскорбления друг друга... (И куда смотрит Валерий Александрович? // Кубанские новости. 1998. 19 нояб.; Что в багаже у "партии власти"? // Краснодарские известия. 1998. 17 нояб.).

Анализируя предложенные программные документы кандидатов в г. Краснодаре, а также газеты, рекламные предвыборные листовки, можно увидеть следующую схему: биография, социальный блок, а далее следуют пункты:

1) улучшение и поддержание здравоохранения;

2) предоставление рабочих мест;

3) защита народных интересов;

4) поддержка образования;

5) развитие промышленности и т. д.

Но большинство кандидатов не дают ответа на вопрос, где взять средства на всё это.

Рассматривая тактику ведения предвыборной кампании, можно отметить, что агитация проводилась по всем направлениям: радио, телевидение, телефонный обзвон, расклеивание листовок, социологические опросы, кампания "от двери к двери" и пр. Вместе с тем отмечались не-

брежность и скрытые формы агитации:

1) зарегистрированные кандидаты появились на телевизионных экранах не в качестве кандидатов;

2) расклеивание листовок велось некачественно;

3) кампания "от двери к двери" велась не во всех районах;

4) люди, которые разносили материалы, были некомпетентны;

5) практически все общественно-политические объединения и блоки воспользовались имиджем известных людей Кубани и России (Ю. Лужкова, В. Захарченко, И. Кобзона, Г. Явлинского) и др.

По итогам прошедших выборов в целом по краю 38 мест из 50 в ЗСК заняла "партия власти" – "Отечество", 11 депутатов, выдвинутых от населения, и 1 – от объединения "Яблоко". В Краснодаре по избирательному округу № 1 все 4 места заняли "отечественники", по избирательному округу № 2 блок мэрии забрал у них два места.

Анализируя предвыборную кампанию по г. Краснодару, можно выделить несколько причин победы "Отечества" и

сокрушительного поражения демократических сил:

1) политизация кампании движения "Отечества" и мобилизация его электората;

2) "Отечеству" удалось занять нишу обиженных, с одной стороны, и борцов с антинародным режимом – с другой;

3) роль и харизма лидера имела огромное значение;

4) тактика "Отечества" была эффективной и дешёвой – "от двери к двери";

5) в голосовании сыграли роль дисциплинированность электората "Отечества" и разобщённость, пассивность молодёжи и деловой части населения.

Обобщая сказанное, можно отметить следующее:

– на выборах в ЗСК участвовали различные партии и течения, между которыми велась острая борьба;

– отличительной особенностью выборов являлась их криминализация;

– характерной чертой выборов стало большое количество независимых кандидатов;

– предвыборные программы и заявления были однотипны у большинства кандидатов, в них не предлагалось

средств к их реальному воплощению в жизнь;

– противоборствующие блоки "Отечество" (Кондратенко) и мэрии (Самойленко) использовали различную стратегию и тактику, в результате чего "Отечество" со ставкой на харизматического лидера,

игрой на оппозиционных настроениях и с ностальгией по прошлому одержало убедительную победу.

В итоге мы получили фактически однопартийный парламент наряду с уже существующим однопартийным правительством.

КОНФЛИКТНЫЙ МЕДИАТОРИНГ (УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ)

Н. В. Санникова

Каждый человек на протяжении своей жизни неоднократно сталкивается с противоречиями разного рода. Л. Козер определяет конфликт как борьбу за ценности и претензии на определенный социальный статус и недостающие для всех материальные блага. При анализе политического конфликта важно иметь в виду различие между борьбой за властные полномочия как таковые и конфликтом идеологических установок и позиций. Управление конфликтами включает в себя:

– прогнозирование конфликта, предупреждение и вместе с тем стимулирование другого;

– прекращение и подавление конфликта, регулирование и разрешение.

По мнению А. Н. Чумикова, управление – это регулирование, разрешение и даже подавление конфликта в интересах общества.

В системе мер и способов управления конфликтом большое внимание уделяется организации переговорного процесса, в котором решающая роль принадлежит институту посредничества. В переговорной ситуации возможны следующие варианты поведения: избегание, приспособление, конкуренция, компромисс, сотрудничество. В ходе самого переговорного процесса воз-

возможен выбор нескольких стратегических линий поведения. Выделяют две возможные стратегии:

- стратегию конкурентного поведения, или позиционного торга (суть ее в том, чтобы твердо настаивать на своей позиции и, используя тактику давления, принудить другую сторону к уступкам);

- стратегию согласованного поведения, сотрудничества между участниками переговоров с целью достижения взаимоприемлемого соглашения.

Переговоры предназначены для того, чтобы решать споры и сотрудничать. В зависимости от конкретной обстановки в переговорах могут преобладать конфликтные взаимоотношения или сотрудничество. Ведение переговоров можно считать как наукой, так и искусством.

Налаживание медиаторского механизма, владение переговорным искусством, фасилитаторское мастерство – этапы профессионального использования определенных процедур построения различных взаимоотношений, направленных на снижение конфликта и достижение желаемого результата.

Все большее место на переговорах занимает фасилитация как эффективная технология разрешения проблем, как один из самых прогрессивных и современных способов решения любых проблем, связанных с эффективной групповой работой.

У фасилитаторской процедуры много общего с технологией медиации, прогрессивным способом вмешательства в конфликт, позволяющим сначала ослабить конфликт, затем подготовить почву для принятия взвешенных решений и, наконец, решить задачу.

Можно сделать следующий вывод: управление конфликтом направлено на то, чтобы каждая из сторон достигала бы своих индивидуальных целей, не слишком мешая при этом другой стороне. Каждый из конкретных приемов преодоления и регулирования конфликта наиболее эффективен и уместен в зависимости от конкретной ситуации, но все они потенциально применимы в условиях зарождающегося конфликта. Все дело в искусстве применения адекватного способа разрешения конфликта.

Рациональное управление конфликтом не может отменить или заменить социальную революцию или локальные коллизии, но оно в состоянии придать объективно конфликтному процессу фор-

мы, способные обеспечить минимизацию неизбежных политических, экономических, социальных, нравственных потерь, оптимизацию тех или иных сфер общественной жизни.

РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТИТУТ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Н. Н. Буянов

Среди форм непосредственной демократии референдум считается важнейшей и наиболее известной. Референдум (от лат. "referendum" – то, что должно быть сообщено) – такая форма демократии, сутью которой является принятие какого-то важного решения по конкретному вопросу путем всенародного голосования.

В отличие от выборов, референдум не является повсеместно распространенным институтом. Существуют страны с подлинно демократическим режимом (Голландия), где референдум никогда не проводился. Федеральное законодательство США не предусматривает проведение общенационального референдума.

В то же время есть примеры, когда референдумы инициировались в странах с тоталитарными режимами с целью прикрытия этого тоталитаризма. Так, в гитлеровской Германии было три "всенародных" референдума: в ноябре 1933 г. – по вопросу выхода из Лиги Наций, в августе 1934 г. – по вопросу совмещения поста президента с постом фюрера-рейхсканцлера, а в апреле 1938 г. – о присоединении Австрии к Германии.

Принято считать, что родиной референдумов является Швейцария. Однако некоторые источники указывают, что плебисциты, которые проводил император Франции Луи Наполеон в 1851 и

1852 гг. и были, скорее всего, первыми референдумами. Но Швейцария называется не зря. Это страна, где референдумы проводились и проводятся чаще всего.

Конституционная теория разработала достаточно много классификаций референдума.

Прежде всего референдумы разделяются на *общенациональные, региональные и местные*. К первым относятся референдумы, которые проводятся в масштабах всей страны. Региональные охватывают население крупного района или региона страны. Референдумы, проводимые в масштабах города или какой-то сравнительно небольшой административно-территориальной единицы, считаются местными.

Референдумы бывают *конституционные* (для принятия новой или поправок к старой конституции) и *законодательные* (для утверждения законов).

Существуют референдумы *консультативные и императивные*. Первые проводятся для выяснения воли граждан при решении важных вопросов. Такой референдум проводился в Швейцарии, граждане ко-

торой сказали "нет" идее вступления в ООН (Швейцария до сих пор не является членом ООН). Императивные референдумы назначаются для утверждения законов.

Есть также *обязательные и факультативные* референдумы. Обязательные референдумы предусмотрены конституцией или иным законодательством. Например, в Швейцарии любая поправка к конституции должна выноситься на референдум. Проведение факультативного референдума зависит либо от воли парламента, либо от воли правительства, либо от воли президента.

Решение важных вопросов выносится на референдум для того, чтобы граждане сами определились, чего они хотят, чтобы оценили моральные аспекты проблемы и направили законодателей по нужному пути. На такие референдумы выносятся вопросы об альтернативной воинской службе, об употреблении алкогольных напитков. В Швеции в 1955 г. проводился референдум о переходе с левостороннего движения автомобильного транспорта на правостороннее.

Инициатива проведения референдума может быть пар-

ламентская, правительственная, президентская и народная. Право участвовать в референдуме обычно имеют все граждане, обладающие избирательным правом. Голосование на референдуме всегда тайное, порядок аналогичен выборам.

Важное значение имеет вопрос, выносимый на референдум. Существует несколько вариантов постановки вопроса референдума: либо гражданин должен ответить на вопрос "да" или "нет", либо выбрать один из двух или более вариантов решения.

Вообще, корректная постановка вопроса на референдуме имеет очень важное значение, потому что хитро и умело составленный вопрос зачастую предполагает и ответ на него. Например, во времена правления пакистанского правителя генерала Зия-уль-Хака в 1984 г. проводился референдум с очень своеобразно сформулированным вопросом, который звучал примерно так: "Является ли вы правоверным му-

сульманином и поддерживаете ли вы политику правления президента Зия-уль-Хака?" Естественно, что в Пакистане, где 97% жителей являются правоверными мусульманами, они, прочитав первую часть вопроса, вынуждены были отвечать тем самым положительно и на вторую часть. Оппозиция призвала к бойкоту референдума. Зия-уль-Хак ответил декретом, согласно которому неявка на референдум наказывалась лишением свободы сроком до двух лет. Этот своеобразный пример еще раз иллюстрирует тезис о том, что референдум — это далеко не всегда торжество демократии, особенно когда его проводит "сильный президент", который не терпит оппозицию, а любит "обращаться к народу".

Таким образом, истинное проявление воли народа при проведении референдума может наблюдаться лишь в странах с устойчивыми и развитыми демократическими институтами.

ЧЕМУ И КАК УЧАТ В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

М. С. Нистоцкая

JFDP

В 1998/99 уч. г. я проходила стажировку в Питтсбургском университете (Пенсильвания, США) в рамках программы профессионального развития для молодых преподавателей российских вузов (Junior Faculty Development Program). JFDP – одно из направлений академических обменов между Россией и США, реализуемых Государственным департаментом США (до 1 октября 1999 г. USIA). Среди других программ следует отметить Fulbright Scholarship, а также менее известные E. Masckue FSA Fellowship, FSA Undergraduate Program, Regional Scholar Exchange Program, участие в которых открыто для университетской публики всех возрастов (подробнее см.: <http://www.actr.org>, www.arex.org).

GSPIA

Американские колледжи очень отличаются один от другого, и прежде всего содержанием обучения. Поскольку США не имеют единого общенационального образовательного стандарта и, соответственно, института итоговых квалификационных (государственных в РФ) экзаменов, аттестация по специальностям осуществляется через набор курсов, который отражает понимание сути профессии университетом.

Особенностью содержательной компоненты образования в Graduate School of Public and International Affairs (GSPIA) Питтсбургского университета стало объединение процесса подготовки кадров для федерального и муниципального управления, менеджеров для третьего сек-

тора (общественные организации) и специалистов-международников в рамках профессии, которую можно назвать как администрирование, управление.

Насколько удачен концепт профессии, выбранный колледжом, проверяется уровнем спроса на его выпускников, т.е. трудоустройством. Качество трудоустройства, в свою очередь, обуславливает рейтинг университета. GSPIA в десятке ведущих американских школ в области public and international affairs уступает лишь "фирмам", чья история исчисляется сотнями лет: Georgetown University, The George Washington University, Harvard University, John Hopkins University, Yale University.

Сегодняшнее руководство GSPIA заявляет о своей приверженности избранной еще в 1958 г. философии колледжа. Декан, доктор Кэролин Бэн, в приветственном адресе, посвященном 40-летию школы, отметила, что идея объединения объектов (внутренней и мировой политики), с одной стороны, и подходов к ним (анализ, планирование и управление) – с другой, позволит студентам GSPIA успешно делать карьеры в

XXI в., в котором специалисты не будут жестко привязаны к каким бы то ни было секторам [1, с. 2].

Для получения диплома (master degree) Питтсбургского университета по специальности "международные отношения" необходимо успешно сдать экзамены по девяти обязательным учебным дисциплинам – количественные методы, экономика (включая макроэкономику), аналитические методы, теории и концепции международных отношений, история международных отношений, политическая экономия, управление организациями, финансовый менеджмент – и девяти элективных курсам, участвовать в работе одного из постоянно действующих научно-учебных семинаров по актуальным проблемам мировой политики и международных отношений, пройти полутора-двухмесячную практику в учреждении по профилю. Таким образом, в каждом семестре студент работает над четырьмя учебными курсами.

Активное обучение

Философия американской педагогики высшей школы – активное обучение (active

learning). Эта концепция за свою 30-летнюю историю прошла путь от научной гипотезы до общепринятой точки зрения. Ее суть заключается в том, что на аудиторных занятиях студенты должны не просто слушать, а читать, писать, дискутировать, решать академические задачи. Вместо простого накопления знаний студенты должны развивать умение анализировать, синтезировать и делать выводы.

Таким образом, активное обучение – это деятельность преподавателя, направленная на вовлечение студентов в различные виды активности в учебных аудиториях (involving doing things) и осмысление ими этой активности (thinking about what they are doing).

При этом традиционная роль преподавателя как проводника или "почтальона" знаний трансформируется в роль инструктора, в чьи обязанности входит планирование видов деятельности студентов в классе, а не простая трансляция знаний. Такое видение университетского преподавателя получило формальное закрепление в языке: инструктор – именно так именуются преподаватели, доцен-

ты и профессора американских колледжей.

Техники активного обучения

Некоторые методы активного обучения довольно трудно применимы к российской действительности. Например, компьютерное обучение – одна из самых многообещающих методик, вместе с тем она имеет ряд объективных "но": дороговизна (на установку одного компьютера требуется в среднем три тысячи долларов, и тысяча долларов ежегодно тратится на поддержку оборудования) и трудоемкость подготовительной фазы (до нескольких лет). Аналогичные трудности подразумевает и широко используемый на Западе педагогический прием демонстрации – включение в обычный формат лекции видео- и аудиорядов.

Но большинство техник активного обучения не требуют дополнительных материальных затрат, а их реализация на практике зависит от желания преподавателя обучать активно. Вот некоторые из методик активного обучения, наблюдать за которыми мне удалось и как инструктору, и как студенту на занятиях в GSPIA.

Контроль: акцент в контроле за обучением перемещен с единственного экзамена в конце полугодия на серию контрольных мероприятий в течение всего семестра. Заранее **запланированный тест** дисциплинирует студентов, стимулирует их к обучению, а итоговая оценка более объективна, когда она базируется на ряде различных по виду контрольных работ (закончите предложение, многовариантный выбор, правда–ложь, эссе и др.), нежели на одном комплексном экзамене.

Спонтанные тесты, т.е. небольшие по объему контрольные задания с различными дидактическими целями (уточнение понимания, формирование конкретных навыков), которыми прерывается ход лекции и о которых студенты не были заранее предупреждены, – один из самых распространенных приемов активного обучения. Исследования показывают, что спустя 8 недель в памяти студентов остается только 24% информации, если лекция не прерывалась контрольными заданиями, и 50%, если они сдавали мини-тест в конце занятий [4, с. 261–262].

Паузирование в лекциях: в ходе презентации преподава-

тель прерывает свой монолог (как минимум трижды в час), для того чтобы студенты могли обсудить полученный материал. Студенты без участия инструктора работают в парах, уточняя и проясняя информацию. В конце занятий они пишут 3–5-минутное эссе по основным идеям лекции. Эта методика требует от преподавателя минимум усилий, потеря же 10–15 драгоценных минут лекций с лихвой компенсируется высокими результатами запоминания материала [8, с. 14–18].

Лекция-экскурсия состоит из трех этапов. Первый – инструктор объявляет цели занятия и просит студентов отложить в сторону пишущие приборы и внимательно слушать презентацию (до 30 минут). Затем в течение 5 минут студенты записывают все, что они запомнили. В конце занятий в малых дискуссионных группах студенты восстанавливают лекцию концептуально с доказательным материалом. Лектор участвует в работе групп.

Лекции-консультации проводятся по завершении внутреннего цельного лекционного блока, когда преподаватель отвечает на все вопросы, ко-

торые могли возникнуть у учащихся. Стратегия работы имеет несколько правил: все разделы изучаемого материала должны быть затронуты в вопросах, каждый студент должен задать вопрос, объяснив почему он считает его важным.

Лекции с обратной связью (feedback lecture) построены на стратегии соединения знаний, почерпнутых учащимися из научной литературы (домашнее чтение) и презентации преподавателя. Традиционный формат таких занятий – две 20-минутные мини-лекции, разделенные между собой студенческими дискуссиями (работа в группах), сфокусированными на поиск ответов на вопросы, поставленными инструктором в начале занятия. Нередко такой вид лекции сопровождается контрольным заданием по домашнему чтению в начале занятия (pretest) и тестом в конце (posttest). Эта техника эффективна, но требует тщательного планирования и подготовки [5, с. 9–11].

Письменные работы в аудиториях – относительно новый феномен в американской университетской педагогике, получивший распространение

в 1980-х гг. под влиянием общенационального движения преподавателей "Writing across the Curriculum". Виды письменных работ самые разные: подведение итогов лекции или обзор домашнего чтения, короткие ответы на вопросы, решение академических задач, ведение классного журнала, в котором студенты по окончании каждого занятия пишут о том, что их особенно заинтересовало, и др. В 1987/88 уч. г. 38% американских лекторов использовали эту технику [9, с. A13+]. Не имея официальных статистических данных, все же рискну утверждать, что в настоящее время в любой учебный курс инкорпорированы классные и внеклассные письменные работы.

По каждому курсу студенты пишут две–три **внеклассные письменные работы**, так называемые papers. Эти эссе можно сравнить с нашими курсовыми работами в минимизированном варианте, важность выполнения которых не стоит обсуждать. Большим плюсом работы американских коллег является то, что все papers выполнены на компьютере, что значительно облегчает их проверку.

Разрешение проблем – серия техник, основанная на модели принятия решений, предложенной Джоном Дью еще в 1924 г. Методика построена на четырех последовательных шагах: формулировка проблемы; выявление наиболее вероятных причин проблемы; поиск решений; оценка альтернатив и выбор наиболее подходящего решения. Эта схема служит основой двух наиболее популярных видов аудиторных занятий, которые в нашей академической традиции называются практическими.

Case studies – это проблемный случай из реальной жизни отдельных индивидуумов, групп людей или организаций. Case studies представляют собой краткое описание ситуации, определяющее круг проблем, на которые студентам необходимо дать ответ, т.е. письменное задание – это основа анализа и дискуссии одновременно.

С тех пор как эта методика была введена в спецподготовку юристов (Гарвардский университет, конец XIX в.), она постепенно превратилась в обязательную составляющую любого гуманитарного курса профессиональных школ. Среди

преимуществ этой техники специалисты выделяют преодоление разрыва между теорией и практикой [6, с. 680–681], чем страдает отечественное образование.

Вместе с тем методика case studies имеет ряд особенностей, которые могут стать непреодолимым барьером на пути ее внедрения в образовательный процесс российских университетов. Прежде всего, это достаточно "мягкий" формат таких занятий с точки зрения дисциплины, на что далеко не всегда готовы даже американские преподаватели, известные своим либерализмом в поведении [2, с. 39]. Кроме того, case studies требуют от студентов способности ясно и убедительно представить свою точку зрения и еще более сложного умения – слушать других.

В отличие от case studies (которые зачастую не имеют формально правильных или неправильных ответов, так как основаны на реальных проблемах), **guided design** – это модифицированная модель принятия решений, которая подразумевает "открытие" и "закрытие" проблемы. Техника включает в себя несколько последовательных шагов: об-

нарушение проблемы и постановка задач; сбор информации; предложение всех возможных вариантов решения проблемы; выбор наиболее приемлемых вариантов; окончательный выбор одного из них; анализ факторов, способных повлиять на реализацию решения; выделение этапов реализации решения; разработка графика реализации решения. По своей сути *guided design* – это научение одному из простейших алгоритмов принятия решений, т.е. попытка соединить знание и практику.

Практические занятия проводятся также в форме **ролевых игр и симуляций**, целью которых является знакомство студентов с незнакомыми им комплексными и противоречивыми ситуациями (например, работа штаба по чрезвычайным ситуациям или Совета Безопасности ООН), в которых учащиеся посредством переживания социальных ролей (с присущими им качествами) развивают необходимые профессиональные навыки. Некоторые курсы (например, "Переговорный процесс") построены исключительно на играх и симуляциях, но зачастую ролевой игрой заканчи-

вается учебный процесс, подводя итог работы преподавателя и студентов над проблемой.

Психологический контекст

Важнейшей составляющей активного обучения является его психологическая компонента. Пребывание студентов и преподавателей в учебных аудиториях должно быть комфортным для обеих сторон, но положительные эмоции студентов имеют особую важность, так как напрямую связаны с их успехами в обучении [3, с. 43–49; 2, с. 10–80]. Именно поэтому синоним активного обучения – это создание обстановки приподнятого настроения, сотрудничества и комфорта, того, что в английском языке описывается емким словом *excitement*.

В заключение следует сказать, что внедрение активного обучения в повседневную жизнь американских колледжей связано с целым рядом проблем, но главная из них отнюдь не дороговизна оборудования и отсутствие свободного времени у преподавателей, а риск [2, с. 62]. Психологическое переживание, боязнь быть непонятым студентами и коллегами долгое время сдерживали педагоги-

ческую революцию (именно так сегодня воспринимается философия активного обучения [2, с. 80]) в американской высшей школе.

Более двухсот лет тому назад Бенджамин Франклин пи-

сал: "Чтобы изменить что-то к лучшему, необходимо преодолеть предрассудки одних, высветить незнание других и убедить третьих в том, что их интерес не пропадет зря; и это работа не одного дня" [6, с. 1].

Библиографические ссылки

1. Ban C. A Message from the Dean // University of Pittsburgh. GSPIA: Graduate School of Public and International Relations. 1997–1999. Celebrating 40 years. Pittsburgh, 1997.

2. Bonwell Ch., Eison J. Active Learning: Creating Excitement in the Classroom. ASHE-ERIC Higher Education Report № 1. Washington, D.C., 1991.

3. Hoover K. College Teaching Today: A Handbook for Postsecondary Instruction. Boston, 1980.

4. Menges R.J. Research on Teaching and Learning: The Relevant and the Redundant // Review of Higher Education. 1988. Spring.

5. Osterman D., Christensen M., Coffey B. The Feedback Lecture. IDEA

Paper // Center for Faculty Evaluation & Development of Kansas State University. Lawrence, 1985. № 13.

6. Rogers E. Diffusion of Innovation. 3d rev.ed. N.Y., 1983.

7. Romm T., Mahler S. A Three-Dimension Model for Using Case Studies in the American Classroom // Higher Education. Amsterdam, 1986.

8. Ruhl K.L., Hughes Ch., Schloss P. Using the Pause Procedure to Enhance Lecture Recall // Teacher Education and Special Education. 1987. Winter.

9. Watkins B. More and more Professors in many Academic Disciplines Routinely Require Students to Do Extensive Writing // Chronicle of Higher Education. 1990b. July, 18.

ЗАПИСКИ ОБ АМЕРИКЕ С ДУМОЙ О РОССИИ

М. В. Юрченко

Некоторым краснодарцам – представителям общественных движений, политических партий, выборных и исполнительных органов местного самоуправления – довелось летом 1999 г. принять участие в гуманитарной программе Библиотеки Конгресса США "Открытый мир", финансируемый принимающей стороной. В их числе был и я. Определенными соображениями, возникшими как в ходе, так и в результате поездки, я хотел бы поделиться с читателями.

На мой взгляд, за сравнительно короткое время участниками программы нам был предоставлен достаточно насыщенный "срез" того уровня жизнеобеспечения своей страны, который можно с полным правом назвать базовым, или основным. И при этом каждое новое посещение того или иного объекта обязательно оставляло

в памяти какое-то новое впечатление. Программа "Открытый мир" разрушила застарелые информационные стереотипы в наших отношениях с американцами.

Серьезные геополитические изменения, происходящие в конце XX в. и связанные прежде всего с политическими процессами на территории нашей страны, стран Восточной Европы и бывших советских республик, требуют пристального внимания к анализу опыта стран развитой демократии, на одном из первых мест среди которых находятся посещенные мною Соединенные Штаты Америки.

Сложность осуществления преобразований в странах, переживающих глубокий кризис, связана с перераспределением власти и собственности, с резким обострением политической борьбы между возникающими мно-

гочисленными партиями и движениями, а также различными социальными группами, имеющими корпоративные интересы. Современная Россия, как и другие посттоталитарные общества — это сложное соединение прошлого и настоящего, переплетение разнообразных интересов, объективных и субъективных факторов, сочетание накопившихся ранее противоречий и противоречий переходного периода.

Важнейшим условием выхода из кризиса является гражданское согласие, сотрудничество различных политических сил и консолидация общества в целях проведения демократических реформ и обеспечения стабильности конституционного порядка. Но ни в коем случае нельзя основывать социально-экономические преобразования на слепом подражании. Либеральная модель радикальных экономических реформ, с которых началась перестройка, оказалась совершенно неприемлемой для России, это сегодня очевидно.

Можно сказать, что в ходе поездки мы познакомились с едва ли не идилличе-

ской картиной устройства местного самоуправления в Америке. И у кого-то поневоле может возникнуть достаточно опасный соблазн: попытаться механически перенести на нашу общественную почву такую же схему устройства местной власти. Но ни в коем случае нельзя отрываться от реалий сегодняшней российской жизни, где преобладают кризисные элементы в экономике и полнейшая политическая нестабильность. Давайте спросим себя: в условиях углубляющегося бюджетного дефицита, с одной стороны, и постоянных попыток вышестоящих властей урезать самостоятельность местного самоуправления, с другой — сможет ли адекватно руководить жизнедеятельностью муниципального образования мэр, "экспортированный" из благополучной американской модели? Думаю, что для здравомыслящего человека ответ ясен.

Более того, в России как раз на уровне местного самоуправления сегодня решаются без преувеличения судьбоносные вопросы. Подъем промышленности, восстановление агропро-

мышленного комплекса, развитие социально-бытовой сферы жизни муниципальных образований – это тот путь, пройти который возможно лишь при наличии сильного руководства на местах. Поэтому необходимо заниматься не слепым копированием или повторением

пройденного, а работать, делать свое дело, что позволит нашему государству выйти из перспективы "не быть" и перейти в куда более желанную для нас перспективу "быть" и этим оказать благотворное влияние на континуум мировой истории.

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

• В пос. Агой Туапсинского района прошел трехдневный семинар "Стратегии развития факультета управления". 26 преподавателей обсудили широкий круг вопросов, касающихся наших перспектив.

В семинаре приняли участие проректоры КубГУ А. В. Смирнова и А. Г. Иванов. По итогам обсуждений сформировано несколько рабочих групп, которые будут функционировать постоянно.

• В рамках межведомственной целевой программы "Создание системы содействия трудоустройству и переподготовки незанятых выпускников учреждений про-

фессионального образования" победил проект доцентов С. Д. Некрасова, А. Н. Демина и Д. С. Сомова "Создание системы информационной поддержки выпускников вузов".

• Центр университетской поддержки местных сообществ заключил договор с администрацией Карасунского округа г. Красnodара на создание научно-технической продукции по теме "Стратегическое планирование развития Карасунского округа". Готовятся аналогичные договоры с администрациями Туапсинского, Ленинградского и Кореновского районов.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОРУМ TERRA POLITICAE

М. М. Курячая

Встреча ведущих российских политиков и мыслителей и представителей нового поколения, идущего им на смену, в полной мере была реализована, приняв форму Международного Молодежного политического форума TERRA POLITICAE.

Заявленные критерии отбора участников TERRA POLITICAE были просты: для действующих политиков и ученых – это реальный вклад в общественное развитие страны и значительный опыт участия в ее политической жизни; для начинающих специалистов в сфере избирательных технологий – творческий конкурс. По словам одной из участниц, "конкурс подкупил своей демократичностью: изначально не давалось никаких вводных условий, огра-

ничивающих свободу творчества".

Открытый конкурс эссе на тему "Молодежь и выборы", в котором участвовали старшекурсники и аспиранты гуманитарных специальностей вузов стран Содружества, прошел с 15 ноября по 15 декабря 1999 г. В оргкомитет пришло несколько сотен работ из восьми стран.

При вынесении решения конкурсной комиссии оценивались:

- самостоятельность;
- креативность (аналитический подход, генерация идей, новизна);
- информативность (опора на факты, системность, достоверность излагаемого материала);
- стилистика (общая грамотность, легкое восприятие текста);

- логичность изложения;
- эрудиция автора (ссылки на использованную литературу и источники).

Имена лучших были названы оргкомитетом, в состав которого вошли:

- председатель – доктор психологических наук, член-корреспондент МААН, профессор МГУ им. М. Ломоносова, ГУ ВШЭ, МГИМО (У) МИД РФ, президент консалтинговой группы "Имидж-контакт" А.П. Ситников;

- зам. председателя – доцент философского факультета МГУ им. М. Ломоносова, член правления Российской ассоциации политических наук, директор Института политических исследований, директор Ассоциации центров политического консультирования С.А. Марков;

- члены комиссии – эксперты консалтинговой группы "Имидж-контакт" А.А. Куртов, М.М. Каган.

Победители – 60 человек, включая 5 иностранцев, съехались на неделю (с 31 января по 6 февраля 2000 г.) в подмосковный Методический центр.

Перед молодыми учеными выступили крупнейшие рос-

сийские политики – руководители органов исполнительной власти, лидеры политических движений, депутаты Государственной Думы, кандидаты на пост Президента РФ, а также ведущие специалисты в области политологии, имиджмейкинга, политического консультирования, избирательного права.

После каждого выступления у аудитории была возможность задать вопросы докладчику.

Так, депутат Государственной Думы В. Рыжков, говоря о причинах отказа молодежи от участия в выборах, отмечал, что в последнее время в средствах массовой информации и соответственно в массовом сознании формируется устойчивое понятие о том, что наша страна в плане политического развития бесперспективна. В силу этого молодые избиратели чувствуют себя отстраненными от процесса государственного управления, участия в политической жизни, формирования государственной политики. Представители старшего поколения, напротив, чувствуют себя лично причастными

к управлению государством. Это чувство для многих из них переросло в привычку, в понимание участия в выборах как обязанности. Именно этим и объясняется многократно превосходящая явка лиц старшего и пожилого возраста при фактической апатии молодежи.

Вице-спикер Государственной Думы В. Жириновский, отвечая на вопросы участников форума, сказал, что в современной политической ситуации нужно отказаться от ориентации на определенные слои общества. Так, программа Блока Жириновского построена таким образом, что отвечает интересам всех социальных групп населения. При этом он не исключил необходимость работы с отдельными социальными группами с учетом их политических интересов. Эксперт Фонда экономической политики М. Литвинович рассказала о возможностях компьютерной сети Интернет при проведении предвыборной агитации. Особое внимание она уделила сайтам-двойникам и сайтам-компроматам. Президент консалтинговой группы "Имидж-кон-

104

такт" А. Ситников рассказал о мерах противодействия информационному терроризму и "грязным" избирательным технологиям в ограниченный период проведения избирательной кампании. Как особую, наиболее эффективную форму предвыборной агитации, он выделил социальный миф в качестве способа вовлечения масс в политику и распространения идей, игнорирующих личные интересы отдельных людей и социальных групп.

В плане методики преподавания несомненный интерес представляют тренинговые занятия, где закреплялись полученные знания и приобретались новые. Тренинги проводились ежедневно под руководством специалистов в области политических технологий – экспертов консалтинговой группы "Имидж-контакт".

Но TERRA POLITICAE – это не только учебная аудитория, это еще и трибуна для изложения собственных взглядов на современные политические процессы. На форуме проводились "круглые столы" по отдельным темам: социология, СМИ и политика,

политология, избирательные технологии. Они включали заранее подготовленные участниками выступления (на основе конкурсных эссе).

Студентка Алтайского государственного университета Е. Аралова в своем выступлении предложила и обосновала идею молодежного парламента. Основное его предназначение она видит в обеспечении связи между молодыми избирателями и депутатами представительных органов власти. Ей возразил директор Фонда эффективной политики Г. Павловский: «Молодежная дума – это "песочница"; это способ уклониться от решения собственных проблем». Необходимо отказаться от понятия "молодежь как субъект власти", кто не хочет видеть себя в реальной политике, тот не сможет осуществлять власть и в "тепличных" условиях. Он также предложил совместить момент приобретения активного и пассивного избирательного права. Его позицию разделяли и другие участники форума.

Так, студентка МГУ им. М. В. Ломоносова С. Бабочкина говорила о скрытом потенциале политической деятельности молодежи. В современной России молодежь фактически отчуждена от властных структур. Всего 7% молодых людей участвуют в деятельности первичных органов управления и местного самоуправления, 2% – в деятельности управления регионов, 10% являются государственными служащими федеральных органов управления.

Серьезное препятствие для активной общественной деятельности – отсутствие привлекательных и заслуживающих доверия организаций.

В своем выступлении я предложила один из перспективных способов вовлечения молодежи в управление государством. Мною была изложена концепция подготовки профессиональных организаторов выборов в высших учебных заведениях. Были выделены и проанализированы следующие составляющие такой концепции: обще гумани-

тарная подготовка специалистов, подготовка в области теоретических и отраслевых юридических наук, специальная управленческая и политологическая подготовка, освоение студентами современных информационных технологий. В моем сообщении был проанализирован опыт подготовки таких специалистов на факультете управления Кубанского госуниверситета.

Форум открыл участникам уникальные возможности:

- были сделаны первые самостоятельные шаги в политической жизни;

- апробированы идеи о будущем политическом устройстве государства в профессиональной среде;

- состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам политической жизни в России как в неформальной обстановке (с единомышленниками), так и в учебных аудиториях (с потенциальными работодателями).

Участие в форуме позволило по-новому осмыслить нормы избирательного права, касающиеся предвыборной агитации, избирательных технологий, оценить их эффективность с точки зрения адресатов этих норм – СМИ, предвыборных штабов, кандидатов. На форуме были обсуждены проблемы участия молодежи в избирательном процессе на всех его стадиях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАБЕКЯН Раиса Леоновна – кандидат философских наук, доцент, проректор ИМСИТ (г. Краснодар)

БУЯНОВ Николай Николаевич – студент 3-го курса отделения политологии факультета управления КубГУ

ГРОМЫКО Сергей Валерьевич – преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета КубГУ

ДРОЗДЕЦКАЯ Ольга Владимировна – студентка 4-го курса отделения политологии факультета управления КубГУ

КУРЯЧАЯ Марина Михайловна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления КубГУ

МОРОЗОВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, декан факультета экономики, управления, рекламы КГУКИ

МЯСНИКОВА Татьяна Алексеевна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета управления КубГУ

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории ФИСМО КубГУ

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделением социальной работы факультета управления КубГУ

ОЖИГОВА Людмила Николаевна – преподаватель кафедры психологии факультета управления КубГУ

РЯБИКИНА Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии факультета управления КубГУ

САМАРКИНА Ирина Владимировна – аспирантка кафедры политологии факультета управления КубГУ

САННИКОВА Наталья Владимировна – студентка 4-го курса отделения политологии факультета управления КубГУ

ЮРЧЕНКО Михаил Викторович – кандидат политических наук, ведущий специалист мэрии г.Краснодара

Дизайн художников
М.Н.Марченко, С.Г.Ажгихина

Оригинал-макет Г.А.Литвяковой

Подписано в печать 17.05.99. Уч.-изд.л. 7,25.

Усл. печ.л. 8,0. Тираж 200 экз.

|Заказ № 363.

Типография ООО "Крайбибколлектор"
350058 г.Краснодар, ул. Ставропольская, 252